

Кира Селезнева

ДУБЛЬ ДВА

Кира Селезнева

ДУБЛЬ
ДВА

Челябинск
ИзЛит
2016

Кира Селезнева

**ДУБЛЬ
ДВА**

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 29

ДУБЛЬ ДВА

Селезнева, К.

С 29 Дубль два: Сборник рассказов / Кира Селезнева. — Челябинск: ООО «Издательство “ИзЛиТ”», 2016. — 111, [5] с.

ISBN 978-5-906606-12-9

Сборник рассказов Киры Селезневой «Дубль два» включает в себя различные по объему, тематике и стилю произведения, но все они объединены в одно композиционное целое зорким взглядом на мир, глубокой душевной теплотой, доверительным лиризмом интонаций и прекрасным чувством юмора.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-906606-12-9   © Селезнева К., 2016
© Издательство «ИзЛиТ», 2016

Марина и Андрей встретились на Маяковке после работы, чтобы пойти к другу Андрея Ленечке Птушенко. Был теплый, светлый ранний вечер начала июня. Перед тем как углубиться в лабиринт Тверских-Ямских улиц и переулков на той стороне улицы Горького, они зашли в «Грузию» и купили бутылку «Цинандали» и круг сулугуни.

Дом Ленечки, как всегда, трудно было найти. Пришлось звонить ему из автомата, и оказалось, что нужный подъезд находится как раз за углом того дома, на котором висел телефон.

Дверь открыла мама Ленечки, Зинаида Васильевна, маленькая, хрупкая женщина, бывшая цирковая актриса. Все друзья Ленечки обожали Зинаиду Васильевну, часто она чудесно рассказывала им всякие занятные цирковые истории. В комнате Ленечки, у окна, стоял «Наш ленинградский гость». Так Ленечка представил сына ленинградской подруги Зинаиды Васильевны и своего друга Алешу Энгельгардта. Марину поразило странное лицо «гостя» — одновременно и лицо спорт-

смена, и лицо умницы-интеллектуала. У Алеши были светло-серые глаза в тяжелых веках, слегка искривленный нос, большой рот с наполненными губами, бледная, чуть желтоватая кожа лица. В нем все привлекало внимание — широкие плечи, обтянутые серо-голубой ковбойкой, узкие бедра над сильными ногами, тоже сильные, прекрасной лепки, выразительные, будто говорящие руки. Во всей фигуре его удивительно сочетались сила и изысканность. Казалось, его окутывает какое-то поле, притягивающее к себе собеседника. Все это Марина осознала позднее. В тот же вечер она просто поддалась очарованию этого необычного человека. Боясь как-то себя выдать, она по большей части молчала и старалась не встречаться с ним взглядом.

Алеша жил в Ленинграде. Он недавно закончил консерваторию с дипломом дирижера симфонического оркестра. Весь следующий год Алеша наездами бывал в Москве, поскольку проходил стажировку в Большом театре, и Марина с Андреем часто встречали его на вечеринках у общих друзей. Тогда вся их компания постоянно во что-то играла. То это был покер, то скрэбл. Последним увлечением было словесное пятиборье — игра в слова. В конце зимы устроили чемпионат по пя-

тиборью, в финал вышли Марина и Алеша, но как раз в это время у Алеши возникли очень важные для него гастроли, и игра сама собой прекратилась.

А потом и вовсе стало не до игр. У кого-то родились дети, кто-то куда-то уехал, кому-то просто стало неинтересно, азарт пропал. У Марины и Андрея тоже появился ребенок — сын Никита.

Начиная со дня первой встречи с Алешей Энгельгардтом, Марина ни разу не оставалась с ним наедине, с глазу на глаз. Марина робела в присутствии Алеши. Он казался ей каким-то надмирным, недосягаемым, божееством-олимпийцем. И дело было не в его профессии, дело было во всем его облике, даже в манере говорить, будто все вокруг люди как люди, а он выше всех, хотя и снисходит иногда до общения с простыми смертными. Марина сама была не из робкого десятка, нет, она становилась зажатой, скованной только с Алешей, к тому же ее смущало то, что ее так сильно тянуло к нему.

Когда Никите было два года, журналиста Андрея отправили в командировку в корпункт АПН в Дели. Марина должна была на целый год оставить Никитку с бабушкой и дедушкой и поехать с Андреем. Марина понимала, что она будет скучать по сыну, но и Андрею

плохо было бы одному. Марина и Андрей были очень дружной парой любящих друг друга людей. Пришлось решать задачку про волка, козла и капусту. В конце концов решили, что сначала Андрей немного поживет один, потом к нему на несколько месяцев приедет Марина, потом Андрей еще немного поживет в одиночестве и, возвратившись в Москву в отпуск, в Дели больше не вернется. Так и получилось, и уже в конце мая Марина приехала из Индии домой.

Все друзья требовали, чтобы Марина собрала их и рассказала бы о том, как они с Андреем жили в Дели. Пришло шесть человек — Гладковы Митя и Лиля, Строгие Паша с Олей, Ленечка Птушенко и Алеша Энгельгардт. В то время Марина с Андреем жили в небольшой квартире родителей Марины. Этим вечером папа, мама и Никитка были сосланы в маленькую комнату, а в большой комнате Марина принимала гостей. На ней было тесно облегающее фигуру платье без рукавов, с большим вырезом, из плотного ситца, расписанного крупными зелеными листьями и лиловыми цветами, которое Андрей называл «платье-джунгли». Наряд очень шел Марине, еще не потерявшей тропический загар. Сначала, за чаем с маминым ореховым тортом, Марина что-то рассказывала, потом отвечала на вопросы гостей, у

нее было прекрасное настроение. Почему-то в этот вечер исчезла робость, Марина чувствовала, что хороша, что нравится, особенно нравится Алеше, он не сводил с нее глаз, несколько раз повторил, что видит перед собой «белую леди, вернувшуюся из колоний». После Маринино-го рассказа у кого-то возникла идея устроить выставку фотографий из Дели и из поездки Гладковых и Строгих в Суздаль, где те побывали в дни майских праздников и много там наснимали. Вот и решили в следующий четверг устроить выставку в большой квартире Гладковых.

Около одиннадцати, когда пора уже было уступить комнату родителям и укладывать спать Никитку, гости поднялись из-за стола. Первыми ушли две семейные пары. Ленечка и Алеша немного задержались — все в маленькой передней просто не поместились бы, — они разыграли сцену Бобчинского и Добчинского: «Нет, только после вас, Петр Иванович!» Алеше явно хотелось выпроводить Ленечку, а самому остаться. Но Ленечка то ли из вредности, то ли что-то почувствовал и, оберегая Андрея, не уступал. В конце концов они, толкаясь плечами, вышли из квартиры одновременно.

В четверг Марина приехала к Гладковым чуть раньше, привезла три больших листа ватмана, резиновый

клей, фломастеры и дюжину фотографий, сделанных в Индии. К приезду гостей были готовы два листа, а третий, с фотографиями Строгого, доклеивали уже наспех. Народу собралось много, было очень весело, кто-то принес вино. Про фотографии все быстро забыли, стали танцевать. У Мити Гладкова были прекрасные магнитофонные кассеты с американским джазом, с песнями Фрэнка Синатры, Пэта Буна, Дорис Дэй. Марина была в платье из ткани в крупную черно-красную клетку, и Алеша назвал ее «леди-коррида». Марина два раза танцевала с Алешей, и он попросил разрешения проводить ее. Он ушел первым, а минут через двадцать вышла и Марина, сославшись на то, что ей надо укладывать Никитку. Все остальные продолжали веселиться, а Ленежка Птушенко выпил так много, что потерял бдительность.

Всю дорогу в такси Алеша держал Марину за руку, был молчалив, Марине тоже не хотелось говорить, она была взволнована вниманием небожителя Алеши, ей казалось, что все это происходит во сне, она и мечтать не могла о таком интересе к ней самого Энгельгардта.

Машина остановилась у арки ворот дома Марины. Как только они вышли из такси, Алеша сразу обнял

Марину и стал ее целовать. У Марины гулко заколотилось сердце.

— Не может быть! Не может быть! — повторяла она.

— Почему? — прошептал Алеша. — Почему не может быть? Ты что, не понимаешь, до чего ты хороша?

И в этот момент раздался строгий голос папы Марины:

— Марина! Домой! — Папа стоял, скрестив руки на груди, в арке ворот.

Марина взяла Алешу за руку и повела его в сторону, вдоль длинного дома. Начался дождь. Марина и Алеша вошли в арку соседних ворот, и Алеша снова стал целовать Марину, но она понимала, что должна немедленно идти домой. Они быстро договорились о том, что увидятся в следующий четверг, когда родители Марины и Никитка уедут на дачу.

На следующее утро папа с Мариной не разговаривал, а мама что-то цедила сквозь зубы и смотрела на дочь строгими глазами, будто Марина не взрослая женщина, а ребенок, которого следует наказать за шалость. Марина, проходя мимо кухонного окна, увидела, что перед домом вышагивает Алеша. Она быстро выпила кофе и, не обращая внимания на мамин окрик, схватила сумку и выбежала из дома. Не доходя несколько шагов

до Алеши, резко повернула направо и, когда он двинулся к ней, быстро пошла в сторону, к остановке троллейбуса. Алеша догнал ее, протянул руку и прикоснулся к ее плечу.

— Я должен срочно уехать домой, заболела моя жена и мне нужно быть там, с дочкой. Как только вернусь, тут же позвоню. Да... позвоню-позвоню... а куда звонить, у тебя же дома нет телефона...

Марина порылась в сумке, выдрала листик бумаги из записной книжки, нашарила на дне сумки ручку и написала свой рабочий телефон. Тут подошел Алешин троллейбус, Алеша чмокнул Марину в щеку и еле успел вскочить на подножку перед закрывающимися дверями.

Марина отпросилась на два дня с работы, чтобы перевезти семейство на дачу. Выйдя снова на работу, стала ждать телефонного звонка. Все в редакции знали, что ее непременно надо разыскать, если ей позвонят. Марина даже не уходила обедать. И наконец, через две недели раздался долгожданный звонок.

— Здравствуйте-здоровствуйте! Я очень хочу вас увидеть. Как хорошо, что я тебя застал. Завтра день рождения Ленечки Птушенко. Он ждет нас на даче с

утра. У меня поутру кое-какие дела, но к полудню я обязательно приеду. Буду тебя ждать.

Марина обещала в субботу приехать к маме, папе, Никитке, но теперь решила, что, хоть на нее и будут сердиться, она все равно съездит на полдня к Птушенко. В ночь с пятницы на субботу Марина почти не спала. Что с нервами? Обычно она не страдала бессонницей, спала крепко и видела интересные, запоминающиеся сны.

В 12 часов дня Марина была у Ленечки во Внуково. На террасе уже сидели гости, кое-кто даже пригубил винца. День был солнечным, ясным. Марина подарила Ленечке керамическую индийскую статуэтку — слона с принцем, сидящим под балдахином.

Неожиданно чистое небо стало затягиваться облаками, на клумбе сильнее запахло флоксы. Часы пробили — у Ленечки были часы с боем — часы пробили час. И тут же, слишком скоро — два. Алеши все не было. В половине третьего гостей пригласили к столу, начались тосты. Пробыло три часа. Марина дала себе слово, что уйдет в половине четвертого. Стал накрапывать дождик. Веруся, жена Ленечки, огорчившись, что Марина уедет и не попробует ее турецкого плова, дала Марине, у которой не было зонтика, желтый, прозрач-

ный, уродливый плащ. А Ленечка сказал, что проводит Марину на станцию. Облака опечалились и не смогли удержать потока слез. Дождь усилился.

Только Марина и Ленечка поднялись на платформу, как пришла электричка из Москвы. И Марина увидела Алешу.

— Ты что, уезжаешь? Ты почему уезжаешь? — огорченно спросил Алеша.

За Марину ответил Ленечка:

— Дела семейные. А ты-то почему так поздно? Обещал приехать утром.

Коротким, грустным гудком крикнула электричка, идущая в Москву.

Марина, опасаясь наблюдательности Ленечки, только раз глянула на растерянного Алешу, помахала ему рукой и еле успела войти в вагон.

К Марине вернулось прежнее состояние робости и неуверенности. В потоке московской суеты куда-то исчезла несколько высокомерная «белая леди из азиатских колоний». Леди старалась убедить себя в том, что поцелуи и объятия под морозящим дождем после вечера у Гладковых были лишь внезапным порывом и больше ничего не будет. Но вскоре Алеша позвонил и

предложил вечером пойти к какому-то его приятелю, московскому плейбою, светскому льву Горохову, чтобы послушать классический джаз. Оказывается, Алеша любил классический джаз. Марина тоже любила старый, классический нью-орлеанский джаз. И конечно, она с радостью согласилась. Алеша попросил ее зайти за ним, потому что ему надо было к завтрашнему дню еще немного поработать с партитурой. Алеша снимал крохотную квартиру на улице Жданова. Он усадил Марину на узенький диванчик, поставил на столик у дивана прозрачный чайник с заваренным чаем и чашку Ленинградского фарфорового завода.

— Посидишь? Подождешь? Я быстро, — сказал Алеша и уткнулся в ноты, при этом он все время поглаживал подреберье, то место, где должен был находиться желудок.

Марина задумалась о работе дирижера с нотным текстом, который начинает звучать и становится музыкой в тот момент, как оркестранты начинают послушно повиноваться пассам дирижера-медиума. Еще она думала о том, как астральная сущность дирижера привлекает на свою орбиту сотню людей и не отпускает их на волю до последней ноты партитуры. «Так что же первично, — размышляла Марина, — магнетизм,

присущий натуре Алеши, который неким мистическим образом притягивает к нему людей, или все дело в сути самой профессии дирижера, который непременно должен был быть и психологом, и экстрасенсом...»

Горохов жил прямо над входом в метро «Аэропорт». Уже на первом этаже было слышно соло саксофона. Дверь в квартиру Горохова была приоткрыта. В доме собралось много народу, человек десять-двенадцать. Кто-то сидел по углам большой комнаты, кто-то тихо разговаривал в прихожей и на кухне. Марине досталось очень удобное кресло. Алеша сел на пол у окна, напротив. Один за другим в комнату вошли и тут же вышли два художника, хорошо знакомых Марине по работе — Борис Месерер и Лева Збарский. То ли им была неинтересна музыка, то ли они оказались у Горохова по каким-то своим делам, но в тот вечер Марина их больше не видела. Алеша вел себя очень странно. Он будто забыл, что следовало бы проявить хоть какое-то внимание к человеку, которого он привел в дом к незнакомым людям. К тому же Марина почувствовала, что очень проголодалась, обедала она в два часа дня, а сейчас уже было десять вечера. А еще у Марины застонал мочевого пузыря. В громадной квартире было множество закрытых и открытых дверей, но дверь в санузел

Марина так и не нашла, и потому решила, что ей нужно срочно ехать домой. Правда, она видела, как поглощен музыкой Алеша. Ну, что ж. Пусть остается. Сама найду такси, подумала Марина. Она поймала Алешин взгляд, когда, стоя уже у дверей, помахала ему рукой. Алеша вскочил, подошел к ней, взял ее за руку и прошептал:

— Не выдумывай, останься, я тебя не отпускаю.

Но тут Марина неожиданно для себя разозлилась, выдернула руку и шагнула к выходу.

— Ну, как хочешь, — продолжал шепотом Алеша. — Тогда я провожу тебя до такси. Мне очень нужно поговорить с мистером Гороховым, а он все никак не может найти для меня полчаса.

На улице, конечно, моросил дождь. Марина готова была присесть прямо посреди тротуара, так сильно ей хотелось писать. Алеша бормотал какие-то извинения и, когда, к счастью, очень скоро, подъехало такси, быстро чмокнул Марину в щеку.

Засыпая, Марина сказала себе, что в этот вечер был закончен едва начинавшийся роман и что она дает себе обещание больше никогда не ждать телефонного звонка от Алеши Энгельгардта.

А звонка и не было. Почти целую неделю. Но Алеша все-таки позвонил и, как ни в чем не бывало, попросил-

ся в гости. Договорились встретиться уже у Марины завтра в восемь. Как нарочно, в этот день Марина не смогла уйти из издательства пораньше, все никак Главный не уезжал, потому не смогла купить чего-нибудь вкусенького, магазины уже закрылись. При этом, поскольку Марина жила на положении холостяка, в холодильнике было — шаром покати. Но ей все-таки повезло. Около запертого магазина «Овощи — фрукты» сидели приехавшие издалека тетки, они появились там как по волшебству. Марина купила у них два килограмма чудесной розовой мелитопольской черешни. Она высыпала черешню в мамину большую хрустальную вазу. Вообще-то эту вазу Марина терпеть не могла. Как-то она пообещала себе, что когда будет большой и богатой, обязательно купит такую же вазу и из всех сил бросит ее на какой-нибудь каменный пол, чтобы услышать хрустальный звон и увидеть сверкание граненых осколков.

Как уже стало привычным для Марины, ни в восемь, ни в девять Алеша не было. Появился он лишь в пять минут одиннадцатого. С букетом белых тюльпанов.

— Спасибо, — сказала Марина. — Какое совпадение! И почти точно, но чуть-чуть раньше. Ну, ничего, тюльпаны обычно долго остаются свежими.

— Не понимаю, — удивился Алеша, — раньше чего?

— Знаешь, в нашей семье есть традиция — в мой день рождения в доме всегда должны быть белые тюльпаны. Дело в том, что в день, когда я родилась, папа принес маме эти цветы.

— Прелестная традиция. Получается, что у тебя вот-вот день рождения? Когда же?

— В эту субботу.

— Ну и совпадение! У меня тоже! Выходит, мы с тобой полные ровесники... если совпадает и год.

Марина назвала год — совпало.

Алеша задумался, потом улыбнулся белозубой улыбкой Бельмондо и воскликнул:

— Мадам! Перед вами — гений! Мне пришла в голову потрясающая идея! Мы должны вместе отпраздновать наше тридцатилетие. И ты в субботу прилетишь ко мне в Таллин, кстати, я завтра улетаю в Эстонию, сейчас все расскажу... Так прилетишь?

Что могла сказать Марина? Конечно, «да».

— Чудесно, — улыбнулся Алеша. — Так вот, о Таллине. Меня пригласили на стажировку в Государственный симфонический оркестр Эстонской Республики, которым руководит Нозми Ярве. Это очень интересно. И я решил, что откажусь от Большого, потому что мне,

разумеется, хочется играть именно симфоническую музыку. Ты любишь мечтать? Уверен, что любишь. Так вот, я мечтаю сыграть Пятую симфонию Малера.

— Я обожаю это сочинение, особенно адажиетто второй части.

— Знаешь музыку Малера?

— Не могу сказать, что знаю, у нас же музыку этого композитора не исполняют. Но эту симфонию я играла...

— Ты что... ты — музыкант? На чем играешь?

— Я — скрипачка. — И Марина рассказала, почему не состоялась ее музыкальная карьера и что она все еще занимается и играет в симфоническом оркестре ЦДРИ. — Этим оркестром сейчас руководит Геннадий Николаевич Рождественский, который сыграл с нами среди многого другого Первую и Седьмую симфонии Шостаковича и Пятую Малера.

В то время Марина еще ничего не знала об астрологии, иначе ее так сильно не удивили бы эти совпадения — и дата рождения, и любовь к Малеру. А главное, ее не удивляло бы то, что ее так тянет к Алеше, хотя при этом она понимает, что этому нельзя поддаваться.

Когда Марина пошла на кухню, чтобы налить в вазу для цветов воду, Алеша пошел за ней.

— Вот неожиданно! Прямо-таки Мондриан! — сказал Алеша, глядя на стену кухни, которую Марина расписала геометрической абстракцией.

(Марина смутно помнила из лекций по истории искусства, что именно делал Мондриан. На следующий день она побежала в библиотеку Дома архитекторов на улице Щусева, где работала Юлия Семеновна, мамина подруга, нашла там английскую книгу об этом художнике и поняла, что Алеша, увы, ей польстил.)

— Значит так, — продолжал Алеша. — Я буду ждать тебя на летном поле у трапа самолета в субботу утром. Есть очень удобный первый рейс, он прилетает в Таллин в 12.15. Ну что, не передумаешь?

Марина живо представила себе, как будут огорчены и обижены родители и Никитка, но отказаться от этого приключения было выше ее сил, и она кивнула.

— Такую кошмарную дату только и можно отметить безумием. Не передумаю.

Весь вечер Алеша то и дело поглаживал рукой верх живота, там, где должен быть желудок. Марина, конечно, сглупила. Нужно было не угощать элегантной черешней, а сварить простую геркулесовую кашу. Уже значительно позже Марина узнала по себе, что такое гастрит, от которого тогда страдал Алеша, но в тот ве-

чер ей и в голову не могло прийти, что этого олимпийца нужно просто банально покормить.

За весь вечер Алеша ни разу не прикоснулся к Марине, не делал попыток ее поцеловать. По правде говоря, ее это устраивало. Ей не хотелось никакого физического контакта, ей достаточно было того, что он с ней рядом, что ему с ней интересно. К тому же впереди открывалась такая романтическая перспектива.

В середине рабочего дня пятницы Марина отпросилась у Главного и поехала в билетные кассы у метро «Площадь Свердлова». Отстоявши длинную очередь, она услышала, что билетов на утренний рейс в Таллин нет. У Марины вспыхнуло лицо, потом взмокла спина, и, наверное, у нее был такой огорченный вид, что добрая кассирша пожалела ее и сказала, что нужно приехать в Шереметьево к отлету самолета и там точно будут места. У Марины еле хватило сил поблагодарить сердобольную тетеньку. Ее бросало то в жар, то в холод, руки покрылись мурашками, сердце колотилось, глаза будто засыпало песком, ноги сделались ватными и не хотели идти.

В тот день ей попался и второй добрый человек — таксист. Когда машина остановилась, он помог Марине

дойти до подъезда и подождал у дверей, когда она отпирала замок.

Марина так и не поняла, как она оказалась в своей кровати. Было темно, но уже запели утренние птицы. Ужасно болела голова. Марина сидела на слоне, а балдахин плавал где-то в небесах, поэтому солнце жарило нещадно, но при этом иногда слон, поднявши хобот, обдавал ее ледяным душем. Стало светать. Марина очнулась и сообразила, что у нее высокая температура. Она кое-как добрела до аптечки, нашла градусник. Температура и вправду была высокой. Тридцать девять и девять. Пожалуй, не стоит сегодня ехать в Шереметьево, подумала Марина.

В середине дня Марину разбудил звонок в дверь. Это была знакомая почтальонша. Она принесла телеграмму от Андрея. «Рей поздравляет Рин. Да-дада-да-да».

— Вы уж извините, телеграмма нечаянно порвалась. Такая смешная... Извините.

И ничего смешного, подумала Марина. АнДРЕЙ и МаРИНа, а «да-дада-да-да» — значит Я-ТЕБЯ — ЛЮБ-ЛЮ. Это были их тайные знаки.

Марина заставила себя одеться. Нужно было позвонить на дачу, соседям, попросить их передать маме, что именинница сегодня не приедет, немножко прихвор-

нула, ничего страшного, просто боится заразить сына. К счастью, в кошельке нашлись две двушки, дозвонилась сразу, и одна двушка еще осталась на всякий случай. Поздно вечером приехала мама, температура опустилась до нормальной, мама привезла куриный бульон и пирожки с капустой. Жизнь вернулась в привычное русло. Да и не было никакой болезни. Наверное, это просто было что-то нервное.

Что же происходит? Марина сильно, по-настоящему любит Андрея, который сильно, по-настоящему любит ее. Вдруг появляется этот загадочный Алеша Энгельгардт, который неизвестно чего хочет. А ей-то какое дело до того, чего он хочет? Он раз в сто лет возникает на московском небосклоне и затем бесследно исчезает. Все это вызывает вопросы, на которые у Марины, похоже, есть ответ. Приходится признать, что присутствует какое-то чародейство, из-за которого Марину неодолимо тянет к странному иноземцу. За все это время она ни разу не прикоснулась к нему (если не считать тех поцелуев после фото-вечера). И ей не хочется тактильного контакта. Боится? Или не чувствует в этом потребности? Все, что происходило, несколько не определяется термином «любовь». Скорее, это можно было бы назвать словом «мираж». И сейчас Марина хочет только

одного — освободиться от этого наваждения, от непонятной тяги к Алеше, который, если чего и хочет на самом деле, так это сыграть Пятую симфонию Малера.

У Марины была подруга, которую все окружающие называли «ведьмой». Так вот, она, будучи confidentом Марины и зная все перипетии этой истории, как-то раз подняла красивую, тонкую руку над головой, вытянула вверх палец и, глядя на потолок, многозначительно изрекла: «Вас поправили!» И правда, поправили, ведь все время возникали какие-то знаки: папа и его окрик из подворотни, постоянные опоздания Алеши и его больной живот, страдания Маринино мочевого пузыря и, наконец, непонятное заболевание именинницы, когда температура у нее поднялась до срока градусов.

Алеша не появлялся.

Марину вовсе не огорчало исчезновение Алеши. Честно. Она была умная, взрослая девочка с твердым характером. Она сказала себе: «Все кончено» и не хотела нарушать это положение. И нечего усложнять жизнь. Все очень просто. Некой даме понравился кавалер, она успешно кокетничала с ним, он ее поцеловал и решил придержать на всякий случай. Всего-то.

Температура спала, ушло и глупое желание слышать манящий бархатный голос с ленинградской манерой говорить. (У Марины и Андрея появился еще один знакомый из Ленинграда, писатель, Марина сразу услышала у него особую ленинградскую музыку речи и безошибочно назвала писателю четыре имени из общей его с Энгельгардтом компании.)

Кончилось лето. Вернулся из Дели Андрей. Он очень устал, и Марина поняла, что его надо срочно увезти из Москвы и от апээновских интриг, и от всех друзей. Они давно хотели съездить в город с чудесным названием Великий Устюг.

Гулять по городу было довольно холодно, но лед на реке еще не встал, и Марина и Андрей даже сделали по две картинки, несмотря на то, что руки мерзли. Во время прогулок Марина рассказала Андрею всю историю с поцелуем около дома и с папиным окриком. Андрей расхохотался, он очень живо представил себе выражение лица своего любимого тестя. Марина рассказала и о джазовом вечере у Горохова, и о своих тогдашних проблемах, что тоже развеселило Андрея.

Только успели съездить в Великий Устюг, как Андрея срочно отозвали в Дели, но в этот раз точно толь-

ко до Нового Года. Можно подумать, что без него корпункт просто не мог существовать.

Перед отъездом Андрея в Индию зашел попрощаться с ним Ленечка Птушенко. Во время разговора Андрей спросил у Ленечки, что слышно об Энгельгардте. Оказалось, что тот сейчас в Хельсинки, работает с оркестром Ноэми Ярве.

Однажды утром Марина вынула из почтового ящика газеты, и там обнаружилось извещение о заказном письме. Марина обрадовалась, она ждала письма от Андрея, решила зайти на почту по дороге на работу. Взяла письмо и села, чтобы сразу же там, на почте, его прочитать. И хорошо, что села. Это было письмо не от мужа, а от Энгельгардта.

Марина была потрясена самим фактом появления этого письма, но когда стала его читать, то испытала еще более сильное потрясение. Марина читала и плакала. Как и в вечер поцелуя, она сквозь слезы шептала: «Не может быть! Не может быть!»

«...наконец мне стало так грустно, что я сел за письмо к тебе. Господи! Что же такое есть в твоём лице, что оно не идет у меня из головы, хоть я и не могу сказать, что точно, детально помню его минуту спустя после того, как увижу, помню только поразитель-

ное, надолго остающееся ощущение. Кажется, еще никогда и ни в кого я не был так невинно влюблен, как в тебя. Только бы смотреть на тебя. И больше ничего не нужно...

...если бы я вздумал о чем-то просить тебя, о встрече, например, то вместо “Приезжай” я сказал бы: “Привези свое лицо”.

Какой счастливый Андрей! Он может сутки напролет смотреть на тебя!..

...Я не жду ответа на это письмо, вряд ли ты его напишешь. К тому же твой ответ, скорее всего, уже не застал бы меня в Хельсинки...»

«Что же случилось? Что прорвало бетонную дамбу? — думала Марина. — Что заставило так заговорить застегнутого на все пуговицы немого?» Марина понимала, что рано или поздно они с Алешей встретятся, и объяснения не избежать. Скоро так и произошло. На дне рождения Паши Строгого.

Марина позволила себе разориться и поехала к Паше на такси. Шел снег, было довольно холодно, но ей не хотелось переобуваться, и она поехала в легких, прекрасных английских лодочках. Да и под плащом было платье с короткими рукавами из очень тонкой корич-

невой шерсти, к которому прилагалась нитка крупного жемчуга, привезенная Андреем из давнишней поездки на Филиппины. Одежда не для долгой поездки в метро через весь город.

Марина немного опоздала, почти все уже были в сборе и усаживались за стол. Алеша Энгельгардт был хорош как никогда. Он был в короткой курточке из нежнейшей замши цвета горького шоколада и в ослепительно белой рубашке. Марину радовало ее прекрасное настроение, она была, что называется, в ударе, сочинила пару остроумных тостов, а когда Лиля Гладкова взяла гитару, стала петь с ней в два голоса. Наконец гости зашевелились: кто потянулся на балкон покурить, кто на кухню — отнести грязные тарелки, Алеша вышел в переднюю и так выразительно посмотрел на Марину, что она пошла за ним. После трех порций джин-тоника ей все было нипочем. Она вышла в переднюю, Алеша подтолкнул ее в открытую дверь ванной и тут же запер дверь. И вот они в первый раз вместе после несостоявшегося свидания в Таллине.

— Почему? Почему ты не захотела тогда приехать? — Алеша явно нервничал, казалось, боялся услышать что-то неприятное.

— Меня не пустили. Меня остановили.

— Кто? Не понимаю... о чем это ты... объясни...

И Марина рассказала печальную историю того, как она при температуре в сорок градусов отпраздновала свое тридцатилетие.

— Что ж, и вправду остановили, — грустно сказал Алеша. — А я ведь ждал тебя на летном поле у трапа самолета, в гостинице «Виру» тебе был забронирован номер с видом на Старый город, еще был заказан столик в ресторане, где для нас уже жарили цыплят в сметане, а у тебя в номере на прикроватном столике стояла ваза... С чем?

— С белыми тюльпанами, — улыбнулась и вздохнула Марина.

В дверь постучали, и тут же они услышали, как домработница тетя Нюра громко сказала:

— Туда не ходите. Там любовь.

Алеша прошептал:

— Тут не дадут поговорить. Пойдем отсюда. — И они выскочили из квартиры и сбежали со второго этажа на улицу.

Тротуар устилал первый снег, но снегопад прекратился, снег больше не шел. Облака расступились, и открылось чистое, черное небо, усыпанное ослепительно сверкающими точками звезд. Марина подернула плеча-

ми, стало холодно, каблуки проваливались в снег. Алеша снял куртку и укутал Марину нежной замшей.

— Ну вот, ты улыбнулась — и чудесно. У тебя совершенно инфернальная улыбка. За все это время я понял, что столько всего люблю в тебе: что ты моя полная ровесница, будто родная, что ты живешь в Москве, что у тебя сын, да еще как ты говоришь и, конечно, как ты смотришь на меня. Одно только мне не нравится — то, что ты так добра. Отчего ты никогда никого, в первую очередь меня, не уязвишь? Что за миролюбие? Будто никогда ничего не выплеснешь наружу, а только с постоянной приветливостью глядишь из окошка. А в себе мне не нравится, что я не смею прикоснуться к тебе, хотя мне так этого хочется. Я понял, что жена моего друга или даже просто приятеля для меня табу. А самое главное, я понял, что ты не создана быть любовницей, ты создана быть идеальной женой. Но знай, я никогда ничего не забуду. И обещаю тебе, что в наш день рождения на столе у меня всегда будут твои цветы.

* * *

Прошло много лет. Андрей стал заниматься наукой и защитил сначала кандидатскую, потом и докторскую диссертации. Марина ушла из издательства на вольные

хлеба, стала сама иллюстрировать и оформлять книги вместо того, чтобы редактировать работу других художников-иллюстраторов. Алеша стал европейской знаменитостью, развелся со своей латышкой Велгой и женился на талантливой писательнице Татьяне Званцовой, удивительно похожей на итальянскую киноактрису Монику Витти, которая всегда очень нравилась ему. Когда у него бывали в Москве концерты, что случалось не часто, он всегда приглашал Марину. Приезжая в Москву, заходил к Марине и Андрею, чаще всего один, без Татьяны. Алеша всегда просил Марину показать ее рисунки, о своей работе говорил редко, только как-то посетовал, что у оркестрантов снижается уровень профессионализма. В какой-то из визитов он протянул Марине конверт и сказал:

— Это тебе подарок. Могу похвастаться, записал с хорошим оркестром Пятую симфонию Малера.

Алеша всегда был элегантен, в хорошей форме, только цвет лица его становился все хуже и хуже, стал каким-то землистым. Потом он куда-то пропал на целый год, и однажды Ленечка Птушенко печально сказал, что Алеша серьезно болен, не работает, лежит в московской клинике. Диагноз очень плохой. И пришел день, когда стало известно, что Алеша покинул этот мир.

Был слякотный, промозглый январь с мокрым снегом и с порывами злого ветра. В морге при больнице, в которой лежал Алеша, собралось много народа. Марина уткнулась в плечо Андрея и плакала, плакала, не могла сдержать слез. На обратном пути домой — молчала. Говорить не хотелось. Ушел человек, который долгие годы жил в ее душе. Она всегда помнила все их короткие встречи, которыми одарила ее судьба. Она знала, что Андрей все понимает, принимает и никогда не осудит ее.

Однажды Ленечка Птушенко привел с собой на какую-то вечеринку у Гладковых Татьяну Званцову. Потом она сама стала приходить на их собрания. Как-то они даже вместе праздновали Новый Год, и Марина отвозила Татьяну домой.

Случилось так, что Марине пришлось зайти по делам в мастерскую замечательного фотографа-художника Миколы Гнисяка. Там среди множества его прекрасных работ она увидела несколько портретов Алеши Энгельгардта, Микола всегда снимал выдающихся людей искусства. Он удивительно точно уловил, казалось бы, неуловимое обаяние и странность облика Алеши. Марина попросила Миколу дать ей на некоторое время несколько фотографий из этой коллекции или на-

печатать ей дубликаты. Микола, который очень любил и ценил Марину, не мог ей отказать и позволил брать все что угодно. Еще будучи у Миколы, Марина поняла, что по этим фотографиям она сделает портрет Алеши. Портрет, выдержанный в серо-голубом колорите, сразу удался. В нем отразилась та страсть, с которой Алеша говорил, если его увлекала тема разговора. И важно, что получились руки. Получился его драгоценный музыкальный инструмент.

Прошло еще несколько лет. Скоропостижно скончался Андрей. Произошло то, чего Марина боялась больше всего в жизни, — наступило одиночество. Никита давно закончил университет и после неудачного первого брака женился на девушке, родители которой давно уехали в Англию. Теперь молодая чета устраивала свою жизнь в Лондоне. Марина очень тяжело переживала одиночество, ее спасала лишь работа, но по вечерам она была рада каждому посетителю. Частым гостем у нее стала Татьяна Званцова. Увидев на выставке в подвале Горкома Художников на Малой Грузинской портрет Алеши Марининой работы, Татьяна каждый раз, приходя к Марине, просила Марину продать ей этот портрет. Продавать портрет Марина не хотела,

но готова была его подарить, на это Татьяна говорила, что не может позволить себе принимать столь дорогие подарки. Как-то Татьяна привела с собой Ленечку Птушенко, она честно призналась, что Ленечка нужен ей для того чтобы уговорить Марину продать портрет. И Ленечка исполнил свою роль, он просто объяснил Марине, что по справедливости правильнее будет, чтобы портрет висел в доме у его жены, а чтобы Татьяна не испытывала неловкости, ей следует заплатить Марине какую-то символическую сумму. На этом и порешили.

Обычно Татьяна приносила с собой коньяк, который сама же и выпивала, поскольку Марина после смерти Андрея не позволяла себе поддаваться алкогольному дурману. Как ни странно, две вдовы почти никогда не говорили о своих блистательных спутниках жизни. И до тех пор, пока Татьяна не ополовинивала очередную бутылочку, находилось много других тем для разговоров. Марине было с ней интересно.

И все-таки однажды, наверное, под влиянием искуителя — дорогого французского напитка, а также будучи в приподнятом настроении после долгого разговора с Никиткой, у которого все складывалось хорошо, Марина нарушила данное себе обещание — не распра-

шивать Татьяну об Алеше, и попросила гостью рассказать, как начинался их роман.

Кто ее за язык тянул? Зачем было ступать на тонкий лед? Разве не понимала она, что подобные сюжеты под запретом?

Татьяна не выказала никакого удивления и, похоже, даже с радостью стала рассказывать о том, что летом того года, когда они познакомились, Алеша опять работал в Таллине, и он пригласил ее прилететь к нему в некий определенный день, а именно — в день его рождения. К тому времени Татьяна была уже по уши влюблена в Энгельгардта и, конечно, приняла приглашение. Алеша сказал, что есть удобный утренний рейс, который прилетает в 12.15.

Энгельгардт ждал ее на летном поле у трапа самолета. В отеле «Виру» он забронировал номер с видом на Старый город.

На прикроватном столике в их номере стоял большой букет белых тюльпанов. Татьяну почему-то удивил этот букет. Алеша, заметив ее удивление, рассказал довольно сентиментальную историю о том, как некий молодой отец в день рождения его первого ребенка принес своей жене букет этих цветов. С тех пор в той семье (а речь, как решила Татьяна, шла, разуме-

ется, о семье Алеши, хотя он никого не назвал по имени), так вот... в этот день там всегда стоит букет белых тюльпанов.

На этом Татьяна закончила свой рассказ, добавив только, что тогда в ответ она усмехнулась и сказала, что это весьма трогательная история, затем пошла в ванную, вымыла руки, причесалась, и они отправились вниз в ресторан, где им подали очень вкусных цыплят, жареных в сметане.

**ЗАПИСКИ
ИЗ
ОТДЕЛЕНИЯ
РЕАНИМАЦИИ**

После серьезной полостной операции меня укладывают в отделение реанимации. Это я узнаю уже после того, как кончается действие глубокого наркоза. Но сначала я на долгое время попадаю в странные миры, оказываюсь участницей необъяснимых событий.

До операции, но уже, очевидно, под действием наркоза, я лежала на узкой кровати в тесной комнатке, обитой квадратными панелями светлого дерева. Одна из панелей представляла собою некий экран, подобный экрану телевизора. Я не могла управлять изображением на этом экране, изображение менялось произвольно. Я попросила дать мне пульт, но кто-то сказал, что здесь, в больничной палате, нет телевизора, мне все просто снится. Однако я отчетливо понимала, что вижу какой-то фильм, в котором идет морское сражение парусных кораблей, два корабля стреляют друг в друга из больших пушек, кораблями управляют люди в треуголках, в белых лосинах и бот-

фортах. Волны бьют прямо в экран, кажется, что брызги морской воды сейчас долетят до моего лица. При разрыве одного снаряда экран заволакивает дымом и... черная пустота... и...

...Я вижу, что нахожусь в неизвестном мне помещении, где все металлическое, стеклянное, холодное. Я укрыта тонким одеялом, то засыпаю, то просыпаюсь. Через какое-то время оказываюсь в некоем странном городе, похоже, что в одной из стран Ближнего Востока. Я в городе, построенном из спрессованного песка. Когда дует ветер, а дует он здесь почти все время, то сдувает со стен песок и швыряет его в лицо. Песок скрипит на зубах, становится трудно дышать и приходится надевать солнцезащитные, вернее, ветрозащитные очки.

Я стою посреди широкой улицы, а может, в середине длинного двора, образованного песчаными стенами трехметровой высоты. В этих стенах в несколько ярусов выдолблены ниши, в которых сидят и лежат маленькие дети с обритыми наголо головами, на детях надеты простые серые рубашечки.

Стены — из песка, мостовая или пол — из песка, кажется, что и тускло-желтое небо — ни пятнышка си-

невы — тоже из песка. Несмотря на нескончаемый ветер — жара и духота.

В этом тоскливом, запыленном пространстве от стены к стене носятся странные смуглые женщины в черных тюрбанах, тюрбаны такие высокие, что качаются при порывах ветра. На женщинах светло-коричневые широкие, длинные, до пола, балахоны с широченными рукавами. Когда края этих одеяний касаются земли, то на полу взвиваются маленькие смерчи. Женщины часто взмахивают руками и при этом становятся похожими на летучих мышей. Впрочем, женщины двигаются с такой скоростью, что, похоже, и вправду летают, временами они превращаются в бесформенные, крутящиеся коричневые пятна. Непонятно, сколько здесь их, этих женщин. То их две, то всего лишь одна, а то и целая стая летучих мышей.

Одна женщина подлетает и протягивает мне длинную черную ленту, из которой, наверное, нужно сделать тюрбан. Но тут же рядом возникает другая нянька, отталкивает первую, вырывает из моих рук черную ленту, толкает меня к стене и жестами показывает, что я должна забраться в нишу.

Удивительно, что все происходит в полной тишине. Дети в нишах молчат. Женщины не произносят ни сло-

ва. Даже ветер дует беззвучно. Сначала я никак не могу устроиться в нише, но постепенно как-то укладываюсь и неожиданно крепко засыпаю. Сплю, кажется, очень долго и внезапно просыпаюсь от оглушительного шума. Женщины-няньки исчезли, и все дети громко кричат. Я хочу выбраться из ниши и убежать, но почему-то боюсь возвращения женщин в тюрбанах. А они действительно возвращаются. И продолжается страшный сон — няньки появляются и исчезают, появляются и исчезают, дети то кричат, то замолкают, то кричат, то замолкают, ветер дует, летит песок, несутся серо-желтые облака.

Вдруг дети превращаются в бабочек, начинают вылетать из своих ниш, и вскоре в центре двора кружится рой серых бабочек, издающий глухой, тревожный гул. Рой бабочек сбивается в плотный шар, который мечется от стены к стене, стучается об пол, подпрыгивает к потолку, за ним тянутся струи песка. Внезапно шар пробивает отверстие в дальней торцовой стене двора, песок осыпается, стена рушится.

Я тут же выбираюсь из ниши, разматываю черную ленту, в которую кто-то меня закутал. Чувствую дуновение свежего воздуха и иду к открывшемуся вдали проему. Хочется побежать, но ноги слабые, не слушаются. Иду и все время оглядываюсь. Боюсь появления

женщин в тюрбанах. Дохожу наконец до конца двора и вижу голубое небо и яркое солнце. Раздаются звуки, похожие на свистки паровозов, и шум, который обычно издает толпа людей...

...Я на перроне вокзала. В России. Стены вокзала покрашены светло-зеленой краской, а наличники и какие-то мелкие детали — белой. У главного входа в вокзал стоит высокий шест с большими круглыми часами на верхушке. Толпа колышется, люди размахивают руками и показывают на часы. Пять минут пятого. Толпа хаотично движется и заталкивает меня в открытые двери. Я оказываюсь в большой комнате, пол которой застелен настолько ярким зеленым линолеумом, что он слепит глаза. Комната с высоким потолком похожа на больничную палату, в ней много металлических кроватей, но нет ни одного больного, зато есть две медсестры и два каких-то мастера. Это электрики, которые чинят электропроводку. Большие плоские лампы под потолком то зажигаются, то гаснут. Медсестры кричат электрикам: «Кончайте скорей! Нам надо инструменты прокипятить!» Электрики смеются и продолжают возиться в углу под потолком. На меня никто не обращает внимания.

Я лежу на металлической кровати, у которой есть три стенки и потолок. Выходит, я снова нахожусь в подобии ниши. Хочется пить. Зову медсестру. Она что-то злобно бурчит, подходит и грубо переворачивает меня с боку на бок. «Нечего вопить, — говорит она. — Подумаешь, какие нежности! На вот, поддержи провод, у нас своих дел полно». Медсестра всовывает провод мне в руки. Мне очень страшно его держать, концы провода искрят, искры разлетаются в разные стороны. Но я боюсь послушаться приказа и не выпускаю провода из рук, пока медсестра, которая подошла сделать мне укол, не забирает его.

Лампы под потолком наконец ровно горят. Медсестры и электрики мирно пьют в уголке чай. Я снова прошу пить. Медсестра приносит граненый стакан с теплой водой. Мне тесно в кровати. Руки и ноги стучаются о холодные металлические стенки, потолок слишком низко нависает над головой. Я устала лежать в одном положении, все затекло. Сестры появляются, конечно, если громко позвать, но они такие злые, ни доброго слова, ни улыбки. Я стараюсь больше спать. Вижу, что ко мне подходит врач, но не понимаю — во сне это или наяву. Потом медсестра выволакивает меня из кровати-ниши, и я снова оказываюсь на перроне. Медсестра

велит мне взлететь в воздух, залезть на высокий шест с часами и переставить стрелки так, чтобы они показывали 120 на 80. Я с легкостью взлетаю и цепляюсь за секундную стрелку, стрелка больно колет руку, боюсь разжать пальцы, боюсь упасть, но циферблат сам начинает медленно спускаться, и я оказываюсь сначала на больничной койке, которую кто-то толкает сквозь толпу на перроне, потом на заднем сидении автомобиля...

...Автомобиль срывается с места и несется куда-то с бешеной скоростью. Водитель не оборачивается. У меня кружится голова, и я засыпаю. Чувствую на лице струю холодного воздуха. Странно, но вместо звука мотора слышу позвякивание медицинских инструментов о металлическое покрытие стола. Я снова в больнице? Что со мной? Ведь я должна быть на работе. Там очень жесткая дисциплина, опаздывать нельзя. Я долго не могла привыкнуть к странной конструкции и планировке места, в котором мне пришлось работать. Полы там из толстого стекла, прозрачные. Допустим, ты идешь по полу второго этажа и тебе нужно спуститься на первый этаж. Тыходишь к лестнице и видишь, что под ногами, в уровне первого этажа, люди как бы лежат, то есть они расположены перпендикулярно по отношению к выше-

стоящему человеку. Люди внизу, конечно, не лежат, они стоят, для них это ты лежишь. И там повсюду металл, стекло, ни ковров, ни занавесок, никакой мягкой мебели. Все, до чего дотрагиваешься, — холодное, ледяное. Почему-то мне приходится все время ходить с этажа на этаж, как человечку на гравюре Эшера, а хочется сесть в мягкое кресло и не наступать, хоть и через толстое стекло, на нижележащих людей.

Какой-то человек пытается убедить меня, что здесь все правильно, что эти странности кажутся мне непонятными просто поначалу, еще немного, и я ко всему привыкну. И, в конце концов, я же здесь не навсегда и скоро выйду отсюда. Куда? А под ногами, под стеклом горизонтальные мужчина и женщина весело хохочут и размахивают руками. Кто-то говорит: «Тише... она спит»...

...Я качаюсь в мягкой колыбели, раскачиваюсь, поднимаюсь все выше и выше, наконец взлетаю и, пробив головой тонкую пленку, оттолкнувшись руками от края образовавшегося отверстия, вытягиваю себя вверх и оказываюсь в огромном круглом зале, залитом золотисто-красными лучами заходящего солнца.

Большая люстра освещает мягким светом стены зала, образованные красными с золотистыми узорами

тяжелыми драпировками. В фалдах этих драпировок создаются глубокие ниши, в каждой из которых стоят мужчины и женщины. По их лицам видно, что они поют, но я звука не слышу. В центре зала возвышается шатер из таких же красно-золотистых драпировок. Люди в длинных, роскошных, красных, расписанных золотом одеяниях, стоявшие в нишах, выходят в зал, берутся за руки и начинают водить хоровод вокруг шатра, при этом от хоровода доносится запах мяты. Кто-то берет меня за руку и ведет в шатер. Казалось, что шатер совсем рядом, но идем мы туда очень долго. Наступает вечер, загораются шары фонарей, подвешенных к золотым столбам. Наконец, я вхожу в шатер. В центре, на троне, сидит королева в золотой мантии. Она что-то говорит властным голосом, я слышу, что она обращается ко мне, но не могу понять смысла ее речи. Все сильнее пахнет мятой, становится душно. Выбраться бы отсюда на свежий воздух, улечься где-то и спать... спать... спать... Внезапно шатер начинает кружиться, хоровод ускоряет движение, красно-золотые драпировки взвиваются вверх и образуют сплошной поток движущегося, слепящего света. Постепенно движение красно-золотого потока замедляется, цвет его сменяется на оранжевый...

...Я в середине зала с желтыми стенами, увешанными картинами. Это выставка моих работ. Два зала на двух этажах. На первом этаже выставлена живопись. На втором — графика. Странная, абстрактная графика. На желтых стенах и выгородках висят черно-белые работы, но я не помню, чтобы когда-то их делала. Я вообще никогда не делала абстракций. Работ много, не меньше полусотни. Все в одинаковых белых широких паспарту, в одинаковых черных лакированных рамах, 50 на 40 сантиметров. К сожалению, словами невозможно объяснить, что изображено на этих листах. Как можно текстом описать абстракцию? Но в целом зрелище очень выразительное — ярко желтые стены, черно-белая графика, сильный белый свет. Выставка еще не открыта, поэтому в зале никого не должно быть, однако по лестнице в зал поднимаются две женщины. Это две медсестры в голубых халатах и шапочках. Они медленно, взявшись за руки, прохаживаются по залу, внимательно рассматривают картины и что-то говорят друг другу. Что они понимают в абстракции? Мне хочется спросить их, нравится ли им это, и хотя боюсь услышать что-нибудь неприятное в свой адрес, я все-таки спрашиваю: «Как вам понравилась выставка?» И в ответ слышу: «Какая такая выставка? Здесь больница,

у нас нет времени прохлаждаться по выставкам. А вам, вообще-то, следует находиться в палате». Мелькнула мысль: вот выйду из больницы, надо будет повторить все, что я здесь увидела. Как-то становится понятным, что два этих зала на первом и втором этажах прежде были двумя кафе на Новом Арбате — кафе «Шашлычная» и кафе «Пирожковая», интерьеры которых я проектировала, когда была архитектором...

...Выхожу на улицу. Поздний зимний вечер. Странно, что, несмотря на холод, работают уличные кафе, стоят металлические столы и кресла. Невозможно представить себе, что в такой мороз можно долго просидеть в этих ледяных креслах. Но официанты снуют между столиками, жонглируя блестящими металлическими подносами.

Что за порядки в этой больнице? Почему здесь больного держат без нательного белья, лишь укрывают тонким одеялом? Неудивительно, что сняты сны про холодную зимнюю ночь под черным небом, в котором горят слепящие глаза-светлячки далеких звезд. Из вестибюля кафе раздаются странные звуки, похожие на звуки выстрелов. Наверное, транслируют репортаж из Донецка. И я снова оказываюсь на своей выставке, где

с небольшой группой людей расхаживает Венедиктов. Он одет в роскошный длинный бархатный халат лилового цвета, халат подпоясан шелковым золотистым поясом с золотыми кистями. Венедиктов внимательно рассматривает мои работы, потом, обернувшись ко мне, говорит: «Ты почему до сих пор не подарила мне свои картины?» «Я же не знала, что вам может быть интересна абстрактная графика», — отвечаю я. «Интересна, интересна, — говорит Венедиктов, — беру вот эту, ту и ту». И с этими словами Венедиктов стремительно, так, что разлетаются полы лилового халата, несется к лестнице. Свита — за ним. Внизу, в вестибюле снова раздаются хлопки, похожие на выстрелы. Венедиктов все так же стремительно выскакивает на улицу и, размахивая руками, кричит: «Люди! Будьте свидетелями! В меня только что стреляли!»...

...Неожиданно становится тепло, еще теплее, еще теплее. Светит яркое солнце, становится настолько жарко, как могло бы быть жарко в Рангуне в сухой сезон. Я стою в своей комнате у окна, и рядом моя подруга Аида рассказывает, что в их доме, на чердаке живет нат, бирманский добрый дух, что-то вроде нашего домового. По вечерам бывает слышно, как он царапает коготками

пол чердака. «И, — продолжает Аида, — здесь вообще водятся колдуны». В эту секунду напротив нашего дома останавливается высокий, чуть сгорбленный мужчина в лиловом халате с золотым витым поясом с кистями. Я говорю Аиде: «Если он сейчас повернет голову и посмотрит на нас, то значит — это колдун». Тут колдун поворачивает голову и в упор смотрит на меня. Теперь на нем вместо лилового халата белый дхоти. А колдун поднимает палку, на которую опирался, и втыкает ее в центр клумбы, которая возвышается у входа в наш дом. Внезапно я снова оказываюсь в кафе с металлической мебелью, и снова надо мной черное звездное небо, и мне опять холодно. А из вестибюля «Эха Москвы» снова выбегают лохматый Венедиктов и кричит: «В меня стреляли! А вот и не вышло, не вышло! Им меня не взять!» Но мне опять становится жарко, и я сразу оказываюсь у окна нашего рангунского дома. И вижу, что колдун в белом дхоти указывает мне на палку, которую он воткнул в клумбу. Палка, торчащая в центре клумбы, выпустила зеленые побеги. Что за странность! Меня будто лихорадит. То мне холодно, и тогда я сижу в ледяном кресле на Новом Арбате, то — жарко, и тогда я стою под пальмой в Рангуне, где колдун в белом дхоти делает какие-то пассы над своим посохом. И вдруг на кончиках

зеленых побегов, что выросли на палке колдуна, начинают распускаться бутоны белых цветов, а между ними извиваются черные буквы бирманского алфавита...

Когда меня перевели из отделения реанимации в обычную палату, мне перестали являться все те странные видения, которых я до сих пор не могу забыть, все они так и живут в моей памяти.

Теперь я вижу обычные сны, которые утром забываю.

ПОРТРЕТЫ

Я очень любила рисовать женские портреты и сделала их довольно много. Мне интереснее делать именно женские портреты, не мужские. Женские лица ярче и богаче по цвету. Я, конечно, делала и мужские портреты, но не получала от этого удовольствия и всегда была недовольна результатом. Исключение составляет один портрет — портрет Альфреда Шнитке, который теперь находится в частной коллекции на Кипре.

Однажды я долго не могла заснуть, почему-то стала вспоминать сделанные мною женские портреты и вдруг поняла, что за моими моделями тянется шлейф беды — или с ними происходят какие-то несчастья, или они сами приносят неприятности. Это открытие так на меня подействовало, что с тех пор я перестала делать женские портреты. Но мне захотелось рассказать о некоторых из них, о тех, что уже существуют.

* * *

Я дружу с одной замечательной женщиной. В давние годы ее дом был известен в Москве своим хлебо-

сольством и радушием, там бывало множество интересных людей; подруга моя — умнейшая, остроумная, талантливая, легкая в общении женщина — притягивала к себе, как магнит. Отец семейства был человеком молчаливым, погруженным в себя, иногда казалось, что он отгораживается от мира стеклянной стеной. Он был человеком со странностями, например, мог в комнате, полной гостей, ничего не говоря, подойти к стене и сделать «березку». Он занимался переводами, переводил русские стихи на английский и однажды читал нам перевод сказки Пушкина «Золотой петушок», сказка звучала по-английски совершенно так же, как звучит она по-русски. Все друзья восторгались детьми этой пары, мальчиком и девочкой, дети были умны, талантливы, и восторги были вполне ими заслужены. По общему мнению, это была идеальная семья.

Моей подруге очень нравились портреты, которые я делала, и она попросила меня сделать общий портрет их семьи. Портрет представлял собой горизонтальную композицию, в метр по ширине и полметра по высоте, на первом плане, разумеется, было погрудное изображение моей подруги. Персонажи были сделаны почти в натуральную величину. При помощи золотисто-желтого, будто движущегося, фона и сильного контраста с

ним темноволосых голов героев картины мне удалось передать главное — тепло, царящее в этом доме. Семейство и все приходящие в дом друзья признали, что портрет удался, и картину повесили в гостиной.

Как-то вечером я позвонила подруге и услышала, что-то необычное, что-то странное в ее голосе, мне показалось, будто она говорит сквозь слезы. Я попросила ее сказать, что случилось, но она только и вправду заплакала. За все годы нашей дружбы я никогда не видела мою подругу в слезах, я поняла, что так плачут только от какого-то большого горя. Я оделась и через полчаса была у нее. Оказалось, что в этот вечер муж моей подруги объявил, что уходит от нее к одной из их близких приятельниц, которая бывала в их доме чуть ли не каждый вечер и всегда приносила разные вкусные, собственной выпечки пироги.

Понятно, какой силы удар нанес жене и детям отец в прошлом идеального семейства. Сын тут же объявил, что с этого дня у него нет отца. Дочь, любимица папочки, который всегда по утрам сам заплетал ей косички и провожал в школу, отправляла обратно нераспечатанными письма, впоследствии приходившие ей от него. Жизнь семьи резко изменилась.

Семейный портрет сняли со стены.

Прошло несколько лет. Моя подруга очень сильный человек. Она скоро воспрянула духом и с успехом занимается своим делом. Она писатель, у нее одна за другой выходят книги, и две из них даже были названы лучшими книгами года. Бывший муж вскоре после развода умер от инфаркта. Сын закончил Оксфорд, женился, у него родилась девочка. Сейчас он заведующий кафедрой одного из американских университетов. Дочь моей подруги закончила МГУ.

Однажды моя подруга привезла мне злосчастный семейный портрет, попросила убрать из него изображение бывшего мужа и вставить на это место личико маленькой внучки. Переделанный портрет снова повесили в гостиной.

К сожалению, маленькая девочка выросла меркантильной, практичной, чужой по духу, она живет в Америке вместе с мамой и не желает встречаться ни с отцом, ни с бабушкой. Впрочем, она осталась в картине, все так же висящей в гостиной.

Быть может, мне не стоило рисовать в портрете ее личико на месте лица ее деда.

* * *

Я иногда занималась оформлением одного научно-популярного журнала. В редакции этого журнала

работала хорошенькая, тоненькая, светлая, как лучик солнца, молодая художница Леся. Иногда в конце рабочего дня за ней заходил ее муж Телес (сокращенное от Аристотелес), кудрявый, темноволосый, голубоглазый грек. Хороша была парочка, и я не удержалась, позвала красавцев в мастерскую, чтобы сделать их двойной портрет. К сожалению, у Телеса было мало свободного времени, он учился в аспирантуре и ставил какой-то важный эксперимент, так что его я рисовала урывками. Зато Леся могла позировать сколько угодно долго и во время сеансов рассказала мне, как она мечтает поехать в Грецию, но для этого им нужно официально пожениться, а Телес почему-то все тянет, будто чего-то опасается или, может, слишком занят своей наукой. Портрет был готов, но пока у героев не было своего жилья, он должен был «пожить» у меня в мастерской.

Наконец, когда Леся забеременела, Телес понял, что пора ставить штамп в паспорт. Свадьба была скромной, у начинающей художницы и бедного аспиранта не было денег на пышный праздник. Но редакция решила сделать им подарок. Все сложились и купили новобрачным билеты в славный своими оливками город Каламату, где жили родители Телеса.

Родители очень радушно приняли Лесю, они были счастливы, что у них наконец появится внук, а может, и внуки. Прошло две недели, и Телес стал собираться в Москву, где его ждал научный эксперимент, однако Леся отказалась с ним ехать, ей так хорошо было в Греции, сбылась ее мечта, да и родители просили ее остаться, чтобы, не дай бог, ничего не случилось с ребенком в этих перелетах. Телес улетел.

Прошло полгода. Леся наслаждалась теплом, солнцем, вкусной греческой едой, бродила по оливковым рощам, по берегу моря, друзья Телеса устраивали ей автомобильные прогулки по окрестностям. Однажды, поднимаясь по лестнице из сада, Леся наступила на валившиеся под деревом оливки, поскользнулась, упала и ударилась животом о ребро каменной ступеньки. Ребенок не выдержал этого удара, а врачи сказали, что после такой травмы у Леси не может быть детей.

Родители Телеса резко изменили свое отношение к Лесе. Им не нужна была бесплодная невестка. Казалось бы, Леся должна была уехать к Телесу, который непрерывно звонил ей, не понимая, почему она не возвращается в Москву. Приближался день защиты его диссертации. Но Леся не желала уезжать из Греции. Друзья Телеса помогли ей перебраться в Афины, где эти же

друзья устроили ее переводчицей в туристическую фирму. И однажды, в телефонном разговоре с Телесом, Леся сказала, что он должен выбрать: или она и жизнь в Греции, или его дурацкая наука. Леся, наверное, не подумала, что и Телес может так же поставить ее перед выбором. Телес обиделся и, зная Лесино упрямство и то, как страстно она всегда мечтала жить в Греции, в конце концов понял, что ему не удастся ее переубедить.

Я встретила Телеса на каком-то вернисаже, он теперь кандидат наук, начал писать докторскую.

— Живу один, — грустно сказал он.

Я спросила, знает ли он что-нибудь о Лесе. Он ответил, что, по слухам, она работала в супермаркете в кондитерском отделе.

— А что мне делать с вашим портретом? — спросила я.

Телес усмехнулся, пожал плечами и ничего не ответил.

Двойной портрет счастливых влюбленных стоит на полке в моей мастерской.

* * *

С Инной я познакомилась при оформлении каких-то документов в администрации Союза художников. Меня поразила странность ее лица, но его тайну я разгадала

только тогда, когда стала делать ее портрет. Мне удалось рыжие волосы, очень бледная, почти прозрачная кожа лица и рук, но долго не удавались ее серо-зеленые глаза. А именно в глазах и крылась тайна. Дело в том, что Инна никогда не смотрела прямо на собеседника. Ее взгляд всегда уходил куда-то в сторону, будто глаза ее что-то высматривали вдали.

В начале нашей с Инной дружбы ее дочке Лерочке было лет семнадцать. Она поступила в Суриковский институт, хотела быть искусствоведом, но на третьем курсе стала заниматься живописью, добилась успехов и теперь много пишет, много выставляется. Даже за границей. Но важнее всего то, что она удивительно заботливая дочь, ее поддержка очень важна для хрупкой, часто болеющей Инны. Мать и дочь очень близки друг с другом. Настолько, что Лерочка так же, как и Инна, искренне верит, что тайна исчезновения ее отца обязательно раскроется и он найдется.

Муж Инны был геологом, летом он всегда уезжал в экспедиции. В последнее лето это была экспедиция в степях Монголии. Однажды вечером, когда дневная работа была закончена, когда солнце село и черное небо усеяли звезды, когда все собирались садиться ужинать, муж Инны, Александр, зачем-то отошел от лагера и

направился в степь. Он долго не возвращался. Прошел час. Его еда остыла. Прошла и ночь. Наутро вся партия отправилась в степь на поиски. Искали целый день, до темноты, но Александра так и не нашли. Связались по радио с начальством, в партию прислали несколько машин с людьми, потом появился вертолет, но все поиски были безрезультатны, на многие километры вокруг экспедиции не было никаких следов пропавшего геолога.

Все годы, что прошли со дня трагического известия, Инна так и не могла поверить в то, что ее муж погиб. Инна — красивая, умная, добрая женщина, и вполне естественно, что у нее много поклонников, ни один художник из проходящих в администрацию Союза не мог остаться равнодушным к ее красоте. Были и серьезные предложения руки и сердца.

У Инны не было тайн от дочери, Инна все рассказывала Лерочке, и один из претендентов даже бывал у них в доме. Как-то в тихую минуту Инна спросила у дочки, что она о нем думает. И Лерочка грустно сказала:

— Неужели ты перестала верить, что папа вернется?
Инна так и не вышла замуж.

Быть может, ее таинственные глаза всегда смотрят вдалеку потому, что она надеется увидеть там вернувшегося мужа?

* * *

Лет десять тому назад у меня начались нелады со здоровьем, пришлось провести две недели в больнице. Болезнь болезнью, но желание рисовать никуда не уходит, и мне, конечно, захотелось сделать портрет моего палатного врача, молоденькой Ольги Павловны — черноволосой, с румяными щеками-яблочками, со светло-голубыми глазами. Сочетание черных, как смоль, волос, здорового румянца щек и яркой голубизны больших глаз было необыкновенно привлекательным. Когда я выписалась из больницы, то пригласила Ольгу в мастерскую. Она с радостью согласилась позировать.

Оля была замужем за Славой, хирургом-кардиологом этой же больницы. Он тоже был хорош собой. Это была удивительно гармоничная супружеская пара. У них росла маленькая дочка. Ничто не предвещало беды. Но однажды, когда у Славы было ночное дежурство, Оля проснулась от позднего телефонного звонка. Молодой женский голос сказал, что если Ольга Павловна сейчас приедет в больницу, то увидит своего мужа спящим в объятиях его хирургической сестры. Оля дернулась было помчаться в больницу, но опомнилась — как можно было оставить ночью ребенка. Она позвони-

ла Славе, Слава тут же ответил, сказал, что готовится к операции и не может долго разговаривать.

Наутро Оля, увидев на обходе Славу с уставшим лицом, решила ничего ему не говорить о ночном звонке. Однако после этого звонка она начала замечать, что теперь Слава часто бывал каким-то неразговорчивым, угрюмым, нередко по вечерам его не было дома, он — то с друзьями, то у родителей, то в библиотеке.

И наконец Оля, уложив дочку спать, решила на серьезный разговор. Только она успела заговорить о ночном телефонном звонке, как Слава тут же перебил ее. Оказывается, он давно собирался сказать ей что-то очень важное, да все не мог набраться духу. Дело в том, что он полюбил другую женщину, и, чтобы не было никакого вранья, будет лучше, если он переедет к ней жить. Выяснилось, что «другая женщина» это и есть та самая медицинская сестра.

Не могло быть и речи о том, чтобы всем троим оставаться работать в одной больнице, но Слава не мог уйти, потому что ему обещали повышение, «другая женщина» заявила, что она и не собирается бросать такое хорошее место, и получалось так, что уходить надо было Оле. К счастью, ей повезло, недавно ее сокурсник стал главным врачом новой, современной, частной кли-

ники, и у него как раз было место для врача Олиной квалификации.

Вот в этой клинике, спустя два года после окончания портрета, я снова встретила с Олей. Я с трудом узнала в ней сказочную красавицу с моего портрета. Оля выкрасила волосы в ярко желтый цвет, и при этом, конечно, исчез контраст между черными волосам и голубыми глазами. Глаза погасли, розовые щеки поблекли. Я не удержалась и высказала свое недоумение.

— Но мне ведь нужно искать мужа, — сказала Оля, грустно улыбнувшись. — Известно же, что «джентльмены предпочитают блондинок».

Свою печальную историю Оля рассказывала после того, как посмотрела меня и сделала необходимые назначения. В конце своего повествования она попыталась убедить меня в том, что они со Славой остались в хороших отношениях.

Недавно у меня была большая выставка, там был и Олин портрет. Я пригласила Олю, и она, в подтверждение того, что отношения бывших супругов и вправду хорошие, пришла на выставку вместе со Славой и с дочкой.

Во время очередного приема Оля, закончив все наши медицинские дела, вернулась к рассказу о своей жизни и в конце рассказа добавила:

— Славе очень понравился портрет, и знаете, что он сказал? Он сказал, что должен вот-вот разбогатеть и тогда сделает мне подарок — купит у вас эту картину. Вы не думайте, Слава каждое воскресенье гуляет с нашей дочкой. Он любит ее больше, чем того ребенка. Я это знаю совершенно точно.

Оля вздохнула, отвернулась от меня к окну и смахнула слезу.

* * *

Я оформляла и иллюстрировала книги для одного московского издательства, где работала с художественным редактором, милейшей Эрной Михайловной. Она любила поговорить и о том, что не касалось работы; так я узнала, что ее дочка, красавица Галочка, получила предложение от работающего в Москве «настоящего американца». Эрна Михайловна была в восторге. Этот американец был хорош по всем статьям, обожал Галочку, все вечера проводил у них дома. Уже была назначена дата свадьбы, и жених решил сделать невесте свадебный подарок. Зная, что Эрна Михайловна знакома со многими художниками, он попросил ее заказать кому-то Галочкин портрет. Эрна Михайловна видела мои женские портреты и попросила меня нарисовать ее дочку.

Невеста и вправду была красавицей — каскад золотых кудрей, нежно розовая кожа, соболиные брови над огромными серыми глазами. Работа над этим портретом доставляла мне большое удовольствие. Галочка была милой, веселой, остроумной, хорошей рассказчицей и вся светилась от счастья. Ей было уже двадцать пять лет, но до «настоящего американца» еще никто не звал ее замуж.

Галочка пригласила меня к себе домой на ужин, чтобы познакомить с женихом.

В крошечной столовой крошечной квартиры стояли старинный шкаф для посуды и обеденный стол, который занимал собою почти всю комнату. Стол был накрыт белой накрахмаленной скатертью, сервирован старинными серебряными столовыми приборами и хрустальными бокалами, правда, некоторые были со сколами. На ужин была подана утка с большим количеством печеных яблок и домашняя наливка в хрустальном графине. Жених опаздывал, утка остывала, мама и папа невесты изо всех сил старались меня развлечь, папа играл на гитаре и пел бардовские песни. Наконец позвонил жених, с извинениями: его задерживает шеф, и потому он не сможет приехать.

Мне хотелось, чтобы портрет создавал ощущение праздника. Я набросила Галочке на плечи старинный, золотистого шелка шарф, на фоне, за ее головой, сделала гирлянду из нежных, неярких цветов.

День свадьбы приближался. Портрет был готов, и Эрна Михайловна приехала его забирать. Я заказала для портрета довольно дорогую раму и приготовила все что нужно для упаковки этой большой картины.

Увидев портрет, Эрна Михайловна пришла в восторг, она так расхваливала мою работу, что привела меня в смущение. Но, несмотря на бурю комплиментов, видно было, что Эрна Михайловна очень нервничает. Скоро стало понятно, в чем причина ее волнения. Когда я стала упаковывать работу, Эрна Михайловна вытащила из сумочки сложенную вдвое стодолларовую бумажку.

— Мы, как интеллигентные люди, не договаривались заранее о цене, — сказала Эрна Михайловна, — надеюсь, что теперь мы не будем торговаться. Наш жених сказал, что больше заплатить не может, так как в связи с переездом в Америку ему предстоят очень большие расходы.

На это я ответила, что мы, разумеется, торговаться не будем, просто портрет останется у меня, Галочка

останется без свадебного подарка, а моя работа украсит любую выставку.

Прошло, наверное, с полгода, я пришла в издательство сдавать Эрне Михайловне очередную книгу и, конечно, спросила, как там, в Америке, поживает Галочка. В ответ Эрна Михайловна грустно вздохнула и сказала, что Галочка вернулась домой. Ее жизнь в Америке не задалась. Муж оказался патологическим скупердяем. Он на всем экономил, даже на еде, проверял счета из магазинов, заставил Галочку работать уборщицей у соседей, несмотря на то, что она работала переводчицей, и отбирал у нее все заработанные ею деньги. Галочка похудела, часто плакала, ей даже казалось, что глаза потускнели от слез. После очередного скандала, когда муж сказал, что ему не нужна жена-мотовка, Галочка решила вернуться домой. К счастью, у нее на всякий случай было припрятано немного денег, их ей хватило на билет в Москву.

— Теперь мы поняли, — сказала Эрна Михайловна, — почему он каждый вечер приходил к нам — мы же его вкусно кормили. Я все вспоминаю Галочкин портрет... Даст бог, у нас появятся деньги, так мы сразу же его купим. А Галочка говорит, что больше никогда не пойдет замуж.

Все, приходящие в мою мастерскую, любят портретом, спрашивают о героине, и я рассказываю им печальную историю ее неравного брака.

* * *

Женя, дочка моей подруги, училась в МГУ и там подружилась с португальцем Жозе. Эта дружба продолжалась и после окончания университета, поскольку Жозе остался работать в Москве. Женя вышла замуж за швейцарца, у них было двое детей, мальчик и девочка. Жозе женился на гречанке Отилли, у них родились девочки-близнецы — Ника и Диана. Со временем Жозе бросил науку и стал заниматься коммерцией, да настолько успешно, что начал строить дом в Бельгийской деревне, что рядом с Киевским шоссе.

Жозе дружил не только с Женей, но и с ее мамой. В ту осень, когда его дочери учились в последнем классе школы, Жозе понадобилось уехать по делам из Москвы на несколько месяцев, а у Отилли тяжело заболел отец, и ей нужно было ехать в Грецию. Но как оставить девочек? И их выручила великодушная мама Жени. Она жила одна в большой квартире и предложила девочкам пожить у нее то время, что родители будут в отъезде.

Прошло несколько месяцев, дом был почти готов, Жозе и Отиллиа вернулись в Москву. Женя и ее мама решили устроить торжественный ужин в честь воссоединения семьи. Я была приглашена на этот ужин. И тогда я увидела жену Жозе. Вернее сказать, я увидела мрачную греческую богиню. Копна иссиня-черных кудрей, лицо, будто вырезанное из слоновой кости, нервный излом тонких бровей над угольками карих глаз, бледные, четко очерченные губы, и лишь натруженные деревенские руки — широкие кисти, короткие пальцы с обгрызенными ногтями — не могли быть руками богини.

Я тут же поняла, что непременно должна сделать портрет Отиллии. Я была готова даже заплатить ей, если она согласится быть моей натурщицей. Не помню, о чем говорилось за столом, помню только, что я все ждала, когда можно будет попросить Отиллию мне позировать, и неприлично настойчиво разглядывала ее. Наконец в общем разговоре возникла пауза, и я обратилась к высокомерной небожительнице. Она самодовольно усмехнулась и сказала, что подумает и, может быть, согласится, но только в том случае, если это не очень утомительно и не займет много времени. Я чувствовала, что ей явно польстило мое предложение, но ей не

хотелось как-то нарушать свои планы, а может быть, она просто капризничала. Жозе и девочки кинулись ее уговаривать. Они хором убеждали Отиллию, что она непременно должна согласиться позировать, что им очень хочется иметь ее портрет, она так часто уезжает, а если у них будет большая картина, а не маленькие фотографии, то мама всегда будет рядом с ними. И наконец Отиллиа, будто делая одолжение, сказала:

— Ну, так и быть... Я согласна вам позировать, но только потому, что об этом меня просят Диана и Ника.

Портрет Отиллии так занимал мои мысли, что даже снился мне. Снилась сине-черная глубина морской воды, в которой под светло-синим небом высвечивалось лицо цвета слоновой кости.

Отиллиа приезжала ко мне в мастерскую три раза, позировала по два часа с перерывом после первого часа, от чая-кофе отказывалась, пила только яблочный сок. Когда Жозе привез жену на первый сеанс, он, будучи не только интеллигентным, но и деловым человеком, назвал сумму гонорара, которая меня вполне устраивала. Особенно если принять во внимание то, что я готова была сама платить за удовольствие делать этот портрет.

Во время сеанса мы с Отиллией почти не разговаривали. Она плохо владела английским языком, кое-как

говорила по-русски, да и тем для разговора у нас не находилось. Оказалось, что Отиллия была важным функционером какой-то коммунистической греческой партии. Ее явно не интересовали события нашей жизни. Она была очень холодна и ни разу не улыбнулась.

Заканчивала портрет я уже без Отилли. Довольно скоро картина заняла место на мольберте у меня в мастерской в ожидании переезда в новый дом. Жозе собирался вот-вот туда переехать. Правда, должен был делать это сам, без жены, поскольку та снова уехала в Афины. Женя, как настоящий друг, конечно, помогала ему с переездом и устройством дома и однажды стала свидетельницей звонка, который резко изменил жизнь семьи. Это звонила Отиллия. Она сказала, что не намерена возвращаться в Москву, поскольку разводится с Жозе и выходит замуж за своего давнего друга, соратника по партии, а девочки уже взрослые, так что пусть выбирают сами, с кем им жить — с мамой, которая бедна, как церковная мышь, или с отцом-капиталистом.

Мы все были уверены, что Ника и Диана останутся с отцом, тем более что они решили поступать в МГУ.

Через несколько дней Жозе позвонил и попросил разрешения приехать ко мне в мастерскую. Я поняла, что он хочет забрать портрет.

Жозе приехал вместе с девочками. Его трудно было узнать, он осунулся, его смуглое лицо позеленело, под глазами образовались черные полукружья. Он прямо с порога заявил, что отказывается от портрета. При этих словах Диана и Ника заплакали и стали умолять его взять картину, но Жозе, сжав зубы так, что под щеками заходили желваки, резко замотал головой и сказал:

— Не желаю, чтобы в моем доме эта недостойная женщина всегда следила за мной.

И правда, я так сделала портрет, что глаза гречанки постоянно, где бы вы ни стояли, смотрели на вас.

После того как портрет увидели все мои друзья и картина побывала на двух выставках, я поставила ее лицом к стене. Изредка я переворачиваю портрет, смотрю на него и потом снова ставлю лицом к стене. Мне тоже не хочется, чтобы Отиллия следила за тем, как я живу.

* * *

Во время моей учебы в МАРХИ там же, на два курса моложе меня, училась Тина Саловец, красавица шатенка со светло-кариими глазами. Кто-то говорил, что она гречанка, кто-то — что казачка. Ее лицо поражало удивительной правильностью черт, казалось, Тина была ожившей копией древнегреческой статуи. У Тины была

некая странность в походке и в посадке головы. Она двигалась, слегка подавшись вперед и чуть-чуть склонив голову в сторону и вниз.

Случилось так, что, когда я уже работала в проектном институте, Тина Саловец пришла работать в нашу архитектурную мастерскую. Она к тому времени была замужем за знаменитым музыкантом Леонидом Кристенским. У них было двое детей, и Тина ждала третьего ребенка.

Я тоже была счастлива в браке, однако появление Тины больно укололо меня — оживились забытые было переживания. Во время учебы в институте у меня три года длился серьезный роман. Роман закончился, я страдала. Однажды я увидела, как по длинному институтскому коридору идут герой моего романа Т. и Тина Саловец, Т. явно кокетничал с красавицей в синем платье и смотрел на нее тем же лучистым взглядом, каким совсем недавно смотрел на меня. Воспоминание об этом случае жило во мне, как заноза, и эта заноза мешала мне теперь подавить в себе неприязнь к Тине, хотя она ни в чем не была виновата, ведь это Т. кокетничал с ней, а она лишь вежливо улыбалась.

Прошло много лет. В автомобильной катастрофе погибла дочь Тины. Вскоре после этого Тина тяжело забо-

лела. Она стойко сражалась с болезнью, но ей не удалось одержать победу. Обо всем этом мне рассказала моя приятельница Ирочка Тюнина, которая была близкой подружкой Тины. Ирочка вырезала из дерева скульптуру головы Тины. Скульптура не удалась. Ирочка сказала, что несколько художников пытались делать портрет Тины, но никто из них не смог передать в своих картинах ее очарования, хотя формально она получалась похожей. К тому времени я уже сделала много женских портретов и решила попробовать сделать портрет красавицы, пользуясь фотографиями.

Было несколько причин, почему я осмелилась взяться за эту работу. Во-первых, я поддалась азарту — ни у кого портрет не получался, а у меня — получится. Во-вторых, я, к тому времени уже ставшая вдовой, хорошо понимала, как страдает Леонид, потеряв любимую жену. Но главным, наверное, было желание загладить свою безосновательную неприязнь к Тине. Да, было несправедливо недолюбливать ее из-за той самой «занозы», ведь ее вины в этом не было, и если бы мне удалось сделать хороший портрет, то так я будто бы извинилась перед ней.

Муж Тины, Леонид, принес мне штук двадцать фотографий, и я начала рисовать. Казалось, все так

просто — очень красивое, очень правильное лицо, и формально я все изображала очень точно, но Тина получалась немой и непохожей. Моя дочь, которая работала вместе с Тиной, хорошо ее помнила и, приходя посмотреть портрет, только качала головой — то не тот разрез глаз, то не та улыбка. Короче говоря, портрет долго не получался.

Целый месяц я работала над картиной весь световой день, снова и снова пыталась оживить спящую красавицу. И вот, наконец дочка сказала: «Получилось!»

На небольшом погрудном портрете Тина как бы выходила из левого нижнего угла картины и, слегка склонив голову, смотрела на зрителя с улыбкой, чуть тронувшей губы. Я одела Тину в темно-синее, отчего еще теплее и живее светилось лицо. И фон картины я сделала густым, активным синим. Казалось, будто Тина выплывает из какой-то неведомой дали и вот-вот двинется в глубокое синее пространство, к звезде, сверкающей белой точкой в правом верхнем углу.

Перед тем как начать делать портрет, я поставила одно условие: если работа будет удачной, то я должна сама выбрать место, где она будет висеть. Леонид был согласен.

Когда он увидел готовую работу, то по выражению его лица я поняла, что портрет ему очень понравился,

но он был сдержан в выражении своих чувств. Я заказала раму для портрета в той багетной мастерской, где делала рамы для всех своих картин.

И вот наконец мы с Леонидом привезли портрет к нему домой. В гостиной, в которой должен был висеть портрет, стояло два рояля, две длинных стены комнаты были увешаны разными картинами, там же висел и один из неудачных портретов Тины. Перед лицом музыканта, сидящего за роялем, находилась одна из двух длинных стен. Мне нужно было убрать с этой стены тот неудачный портрет и повесить мою работу так, чтобы Тина с портрета смотрела на пианиста. Для этого я попросила Леонида точно показать мне, какого роста была Тина. А еще важно было оставить вокруг моего портрета как можно больше свободного места. Поэтому понадобилось перевесить три картины на противоположную стену, где всем не хватило места, так что пришлось пожертвовать одним невыразительным натюрмортом. В конце концов я добилась нужного мне эффекта. Пианист мог вступать в диалог с улыбающейся ему, глядящей прямо на него Тиной.

В течение нескольких следующих дней Леонид принимал Ирочку Тюнину телефонными звонками. Он

требовал, чтобы Ирочка сказала, как ему отблагодарить художницу.

— Не могу же я предлагать ей деньги!

Но Ирочка не пожелала быть советчиком в таком щекотливом вопросе, ответ на который должен был найти только сам Леонид.

Спустя некоторое время Леонид пригласил меня на свой концерт в Малом зале консерватории. В антракте ко мне подошли дети, внуки и племянники Тины. Перебивая друг друга, они в самых возвышенных словах принялись хвалить мою работу, восторженно выражать мне свою благодарность. Кто-то из них сказал:

— Такая живая, что даже страшно!

— Да! Да! Живая! Живая! — поддержал хор.

И вот это было для меня самой лучшей наградой.

Леонид Кристенский больше никогда не приглашал меня на свои концерты. Я больше никогда не видела портрета Тины.

* * *

Когда у моего сына появилась новая дама сердца, мне сразу же захотелось ее рисовать. Она была красива удивительно странной, некрасивой красотой. От нее невозможно было оторвать глаз. Но, вспомнив забытые

было размышления о несчастьях и бедах, связанных с теми, кого я рисовала, и не желая искушать судьбу, я решила не делать портрет этой девушки, хотя у меня уже был сделан набросок композиции и продуман колорит картины.

**НЕСКОЛЬКО
НЕБОЛЬШИХ
РАССКАЗОВ**

ЗЕЛЕНЫЙ ПОПУГАЙ

Моя подруга Ингрид Станчева живет в своем доме на тихой, небольшой улице Лондона. Район, в котором находится эта улица, состоящая всего из 60 двух-, трех-этажных частных домов, не относится к разряду фешенебельных, но эта улица и улицы, окружающие ее, вполне благопристойны, ухожены и радуют глаз своими садиками перед домами, магнолиями, сиренью и аккуратными газонами.

Ингрид дружила с владельцами двух домов напротив. Слева был дом супругов Дайн — мистера Джефри Дайна, до пенсии бывшего директором школы, и миссис Виры Дайн, в прошлом преподавательницы английского языка. Газон перед домом Дайнов был всегда идеально выстрижен. У них никогда не задерживались шторами окна гостиной. Там почти весь день можно было видеть мирно сидящими в креслах хозяев дома — Виру, с тщательно причесанными волосами (Вира раз в неделю непременно посещала парикмахера) и Джефри, обя-

зательно с галстуком. Супруги Дайн были милейшими, добрейшими людьми, они очень любили Ингрид, во многом помогали ей, когда она только приехала жить в Лондон. К сожалению, Дайны умерли, и их дочери продали дом, в котором поселился некий господин с очень неприятным лицом.

В доме напротив справа жил немолодой, одинокий программист Роджер. Его жена уехала от него в Австралию, дети разбрелись по свету. У него была подруга, которая жила в Канаде. По каким-то причинам она не могла переехать жить в Лондон, лишь изредка приезжала в гости, но друзья постоянно переписывались. Иногда Роджер показывал Ингрид письма своей канадской подруги, в качестве образца эпистолярного стиля.

Роджер очень много работал и (как говорили) много зарабатывал. Он играл в сквош и, спасаясь от одиночества, заходил поболтать к Ингрид, а еще подкармливал лису с лисятами, это семейство обосновалось у него в саду. Наконец Роджер купил себе компаньона — большого зеленого попугая, который сразу же полюбил сидеть у Роджера на плече. Попугай так привязался к Роджеру, что, когда тот садился в машину, попугай начинал носиться по саду с грустными, громкими криками. Саду Роджер уделял много времени. У него бывали

обильные урожаи яблок, которыми он одаривал соседей, и он постоянно что-то подсаживал и пересаживал. Недавно соорудил перед домом живописную альпийскую горку. И вот тогда, когда он эту горку создавал, его взгляд упал на ничем не огороженное пространство, метра в четыре шириной и метров в двадцать длиной, которое находилось между его домом и домом его нового соседа.

Роджера заинтересовало, кому принадлежит эта земля. На плане его участка ее не было. Он связался с адвокатом и узнал, что для того, чтобы выяснить, кто является владельцем этой земли, придется заплатить очень большой гонорар. Но Роджера, который недавно получил неплохое наследство, охватил азарт, и он решил заплатить эти деньги и узнать историю ничьей земли.

Розыски тянулись почти шесть месяцев, и в конце концов был найден хозяин земли, которому она принадлежала с 1787 года. Роджер предложил этому человеку (живущему в Австралии) купить у него это владение, на что тот с радостью согласился. И так Роджер стал владельцем клочка земли, который лежал между его домом и домом Господина с Неприятным Лицом. Обрадованный Роджер сообщил Ингрид, что хочет устроить

вечеринку для соседей со всей улицы, чтобы отпраздновать свое приобретение.

Разумеется, Роджер сразу же решил привести свою землю в порядок и высадил там новенький газон. На следующее утро он увидел, что на его газоне валяются черепки керамических горшков и еще какой-то мусор. Еще через день Роджер увидел, как Господин с Неприятным Лицом швыряет на новенький газон бумажные пакеты и обглоданные кости. Роджер позвонил своему адвокату, и тот написал Господину с Неприятным Лицом письмо, официально уведомляющее хулигана о том, что участок земли между двумя домами теперь является частной собственностью Роджера. Прошло еще несколько дней, мусора больше не было, и Роджер посадил посреди газона невысокую магнолию.

Случилось так, что Ингрид нужно было рано утром поехать в центр города и, садясь в машину, она увидела, что Господин с Неприятным Лицом обламывает ветки юной магнолии. Ингрид вернулась в дом и позвонила Роджеру. Но пока Роджер одевался, чтобы выйти из дома, его сосед сел в машину и уехал.

В тот же день Роджер в ярости отправился в полицию. Там ему сказали, что обвинение за подобное «преступление» можно выдвигать только в том случае, если

«преступника» застали на месте преступления, что называется, «схватили за руку», причем желательно, чтобы были и свидетели.

Война продолжалась. Господин с Неприятным Лицом по ночам все так же швырял на землю Роджера всяческий мусор. Роджер, стиснув зубы, убирал его, стриг газон и решил осуществить свою идею — устроить праздник для всей улицы. Он расклеил на оградах плакатики с приглашением зайти к нему в пять часов в ближайшую субботу на праздник по случаю приобретения им участка земли. Ингрид взялась ему помочь, она расставила на столе в саду тарелки с крошечными бутербродами и перетерла до блеска бокалы для вина.

День был чудесным, до заката было еще далеко. Гости не задержались, все пришли ровно в назначенное время. В саду Роджера царил веселье. Люди искренне поздравляли хозяина праздника. Хоть все вино уже было выпито, гости не хотели расходиться. Давно на этой улице так не веселились, всем понравилась идея такого праздника. Зеленому попугаю тоже было весело, он носился по саду, лишь ненадолго присаживаясь на плечо Роджера, где он сидел и тогда, когда Ингрид подошла попрощаться с хозяевами. В этот момент она услышала скрип оконных петель. Открылось окно дома

Господина с Неприятным Лицом. В окне появилось ружье. Раздался выстрел.

И на газон, к ногам Роджера рухнул подстреленный зеленый попугай.

МИСТЕР ХОУПТОН

Моей подруге Ингрид нужно было постричь высокие кусты перед домом. Почему-то все садовники были заняты, свободным оказался только мистер Хоуптон. Ингрид не хотелось его звать, потому что работал он очень неаккуратно, всегда стриг то, что стричь не нужно, и не стриг того, что нужно было постричь. Поэтому приходилось тратить время на то, чтобы за ним следить и поправлять его.

Так было и в этот раз. И когда Ингрид из вежливости спросила, сколько она ему должна, хотя ей было хорошо известно, какова цена его работе, мистер Хоуптон с ухмылкой ответил:

— Сто фунтов.

Ингрид, тоже улыбнувшись, протянула ему двадцать пять. Тогда мистер Хоуптон, все так же ухмыляясь, заявил:

— Я хотел бы выпить чашку чая, а мой помощник (он работал с мальчиком-помощником) пьет кофе с молоком и сахаром.

Ингрид, пораженная нахальством мистера Хоуптона, все-таки подала к столу вазочку с печеньем, которое мистер Хоуптон съел все сам до последней крошки.

После этого визита Ингрид сказала мне, что больше никогда, ни при каких обстоятельствах не будет иметь дела с этим человеком.

Через несколько дней раздался телефонный звонок. Это звонил мистер Хоуптон. Он сказал, что ему срочно требуется помощь Ингрид, поскольку она болгарка и должна все знать о Болгарии, а у него там важное дело. Оказалось, что мистер Хоуптон купил в Болгарии участок леса и ему нужно, чтобы Ингрид разыскала на карте город Цанев, где располагался этот участок земли, выяснила бы, есть ли там гостиница, ходит ли туда автобус от Софийского аэропорта и расписание рейсов этого автобуса. В характере моей подруги Ингрид есть одна удивительная черта — он никогда и никому не может отказать, если ее просят о помощи. Даже если помощь требуется мистеру Хоуптону.

Ингрид с трудом, вооружившись лупой, разыскала на большой карте Болгарии микроскопический населенный пункт — город Цанев, выяснила, что там есть гостиница, правда, со странным определением — «две звезды», выяснила все и об автобусе. Мистер Хоуптон

заставил Ингрид посмотреть на изображенный на его телефоне крутой склон со стоящими на нем чахлами деревьями, сказав при этом, что вообще-то это не его участок леса, его лес гораздо красивее. Ингрид заинтересовалась, зачем мистеру Хоуптону этот лес, за который, как он сказал, было заплачено 1000 фунтов.

— Как зачем, — удивился владелец чохлых деревьев. — Я буду его пилить и продавать на Западе.

Ингрид попыталась объяснить мистеру Хоуптону, что в Болгарии существует очень строгая экологическая полиция. В ответ на это мистер Хоуптон громко рассмеялся:

— Кто может запретить мне, британцу, делать все что угодно с моим владением!

Ингрид поняла, что переубеждать мистера Хоуптона бессмысленно.

Спустя два дня мистер Хоуптон снова был на пороге дома Ингрид. Он принес новые фотографии, на этот раз уже своего леса, и лес был действительно хорош. А Ингрид огорчило, что мистер Хоуптон вырубит эту красоту. В одном из телефонных разговоров с софийской подругой Станкой, которая была главным редактором одного значительного болгарского журнала, Ингрид рассказала ей всю эту историю с лесом. Станка так воз-

мутилась, что пообещала сообщить об этом директору экополиции и настоятельно потребовать, чтобы тот предпринял надлежащие меры, к тому же Станка решила сделать об этом материал в своем журнале.

Время шло. Мистер Хоуптон не оставлял Ингрид в покое, он продолжал обсуждать свою поездку в Болгарию, требуя познакомить его со всеми деталями болгарской жизни. По его вопросам было понятно, что он представляет себе Болгарию большой деревней, где люди живут без горячей воды, без компьютеров, без газет, без школ и университетов.

Ингрид еще раз позвонила Станке, но та как-то ушла от разговора о лесе, и в ее журнале до сих пор не появилась нужная статья.

А мистер Хоуптон тем временем купил билеты в Софию. Да не один, а два билета. Жена мистера Хоуптона решила поехать вместе с ним. Она стала волноваться, как бы какая-нибудь дикая болгарка не увела у нее мужа. И она не напрасно нервничала.

В городе Цанев мистер Хоуптон действительно мог кого-то заинтересовать. Там еще никогда не видели такого британца — чернокожего, с белозубой ухмылкой, с вытаращенными белками глаз.

ВЫСТАВКА

Карина долго работала на Арбате, ее портреты имели успех, бывало даже, она получала заказы. Жила Карина очень скромно, экономила каждую копейку. У нее была цель — купить фиктивный брак и уехать в Англию. Почему именно в Англию? Потому что единственным иностранным языком, которым она владела, был английский, и ей вообще нравилось все английское. Она твердо решила уехать из России. Она была уверена, что ее живопись будет иметь успех на Западе.

Карина была хороша собой — стройная, но не худая, с шапкой вьющихся русых волос. На реальный брак с англичанином она не рассчитывала, и хотя в ее окружении были самые разные люди (она была очень общительной и легко заводила знакомства), нужный англичанин рядом не появлялся.

Наконец Карине удалось купить фиктивный брак, и вот она — в Лондоне. Надо было обладать той энергией и настойчивостью, которыми обладала Карина, чтобы

так легко снять приличную мастерскую и обзавестись большой компанией, сначала только русских, а потом и англичан. Довольно быстро у нее завязался роман с главным редактором и хозяином провинциального журнала по искусству. Красивый, высокий, неглупый, флегматичный Джеймс давно развелся с женой. Познакомившись с Кариной, он скоро понял, что активная, деловая и красивая русская художница несомненно годится ему в спутницы жизни. Разумеется, Карина с радостью приняла предложение Джеймса.

Заключая брачный союз, Джеймс предложил первый год жизни, пока они не привыкнут друг к другу, делить расходы поровну, что, наверное, было справедливо, потому что Карина поселилась в доме Джеймса и ей не нужно было платить за квартиру.

Теперь у Карины возникла еще одна цель — привезти в Англию дочку Наташу, которая пока жила с бабушкой в пригороде Киева.

Карина писала очень яркие, непривычные для английского взгляда картины — натюрморты, много цветов, динамичные пейзажи и портреты, подобные тем, что рисовала в Москве на Арбате. Ее работы действительно пользовались успехом. Ее стали приглашать на небольшие выставки, потом она решила устроить пер-

сональную выставку у себя в мастерской, которую они с Джеймсом оборудовали в довольно вместительном садовом домике.

Я была на вернисаже. Собралось много народу, в основном русских. Как позже было написано в городской газете: «Выставка пользовалась ошеломительным успехом». Мне работы Карины не понравились, показались очень вульгарными. Но для англичан это было нечто необычное, своего рода экзотика.

Спустя какое-то время дела у Джеймса пошли неважно. Сократилось число подписчиков на его журнал. Джеймс стал мрачным и угрюмым, его влюбленность в жену будто испарилась. С ухудшением финансового положения в семье начались ссоры. Все расходы по дому и на жизнь легли на плечи Карины. О том, чтобы вызвать в Лондон с Украины дочку Карины Наташу, сейчас не могло быть и речи. Карина постоянно, по любому поводу, испытывала раздражение. Не о такой жизни она мечтала.

Она продолжала заводить новые знакомства, рассчитывая все-таки найти покупателей, но, похоже, в то время у всех дела шли неважно. Джеймс узнал, что фирма «Сони» устраивает аукцион картин иностранных художников. Карина повезла туда четыре работы

на русские темы: на фоне русских пейзажей женские фигуры в старинных народных костюмах. Аукционер очень доброжелательно отнесся к Карине и поставил первую цену каждого лота в 25 фунтов, сказав, что по окончании торгов ей позвонят. Прошло два месяца, и наконец Карине позвонили и сообщили, что продана одна ее картина и что ей следует приехать и уладить все дела. На следующий день Карина была в офисе аукциона, где выяснилось, что за участие ее работ на шести торгах, где работы не были проданы, она должна заплатить штраф 150 фунтов. При этом непроданные работы пока не возвращаются. Назавтра в «Сони» поехал Джеймс. Ему удалось переубедить аукционеров, и они согласились, оставив себе три работы, не брать штраф.

Карина работала с утра до ночи, и в конце концов ей пришлось, понизив свой статус, умерив гордыню, выходить по субботам и воскресеньям торговать картинами на уличных базарах художников, где все продавалось за гроши, но Каринегодились и эти гроши.

В одну из суббот Карина развесила свои работы на решетке парка у метро «Пикадилли». День был солнечным, но на душе у Карины было пасмурно, ее раздражали веселые голоса в парке, мимо по тротуару проходили люди, которые, не останавливаясь, лишь бросали

беглые взгляды на ее работы. Карина отвернулась от толпы на тротуаре и стала смотреть на деревья, но вдруг услышала, как с ней кто-то здоровается. Карина обернулась. Ей улыбалась какая-то незнакомая дама. Карина тоже улыбнулась в ответ. Дама сказала, что через неделю в большом торговом центре «Глэйдс», что на окраине Лондона, устраивается Неделя художника, там художникам бесплатно предоставляются стены залов и выставочные стенды, и дирекция делает буклет о выставке с фотографиями художника и одной его работы. Однако устроители не дают охраны, поэтому художники должны сами стеречь свои картины с восьми часов утра до восьми часов вечера. И дама пригласила Карину принять участие в этой выставке, где ее работы увидит множество народу.

Карине досталась стена зала вестибюля одного из входов в «Глэйдс», и она повесила там двадцать пять работ. Джеймс и Карина устроили вернисаж, где были только близко знакомые русские и несколько приятелей Джеймса. На следующее утро Карина начала сторожить свои работы и ждать покупателей. Зрители подходили, проходя к выходу, но покупателей среди них не было. В 2 часа дня Марину сменил Джеймс. После трех дней караульной службы Джеймс нанял на полдня помощни-

ка, одного из сотрудников своего журнала. На шестой день выставки, когда никто так ничего и не купил, дома у Карины случилась истерика. Джеймс стал ее утешать и с трудом успокоил.

В последний день выставки во время дежурства Джеймса какая-то бабушка купила своему внуку небольшой натюрморт с оловянными солдатиками.

После выставки прошло много времени, и однажды Карина забралась на чердак, чтобы среди рамок и паспарту найти подходящую рамку для заказанного ей портрета. Там она с удивлением обнаружила запрятанный натюрморт с оловянными солдатиками. У Карины была хорошая память, она не забыла, как Джеймс рассказывал о мальчике с бабушкой, которая и купила эту небольшую картинку. Помнила Карина и цену, которую назвал Джеймс. Это было 65 фунтов.

ПЛАНТАЦИЯ

На вернисаже картин русской художницы Карины Лена познакомилась с очень приятной русской женщиной Ниной Тиммс. Нина была женой английского бизнесмена, который занимался виноторговлей с Францией. В разговоре Лены с Ниной выяснилось, что Нина собирается изменить интерьер своего дома, а Лена, архитектор и художник, как раз занимается в Лондоне проектами интерьеров домов, принадлежащих русским и, конечно, ее работа стоит гораздо дешевле, чем такая же работа английских дизайнеров.

Нина пригласила Лену к себе в город Танбриджон-Уэллс, в 60 милях от Лондона, который славился своими минеральными источниками с лечебной водой. Нина встречала Лену на вокзале, и по дороге они увидели роскошный, архитектуры середины XIX века павильон, у входа в который стояли две дамы в старинных народных костюмах, эти дамы протягивали прохожим кружки с минеральной водой. Лена, конеч-

но, решила попробовать эту воду, но вкус воды был таким неприятным, что она не могла сделать больше двух глотков.

Лена привезла альбом с фотографиями своих работ, которые очень понравились Нине, и она сразу же предложила Лене сделать проект интерьера ее дома. Муж Нины, Марк, в обсуждении этого проекта не участвовал, полностью доверившись жене.

Нина приехала в Танбридж-он-Уэллс из Луганска, где пятнадцать лет тому назад познакомилась с Марком и тогда же вышла за него замуж. Она была преподавательницей французского языка в Луганском университете, она пленила Марка, франкофила, своим безупречным французским. Но не только этим. Нина была очень хорошенькой, очень стройной, изящной, обладала прекрасным вкусом и множеством талантов. Она занималась, еще в Луганске, балетом и теперь на городских концертах вела партию примы. Она принимала активное участие в работе Русского литературного клуба, ходила на занятия в городской кружок рисования. И делала все это с азартом и с интересом.

У Тиммсов не было общих детей, но от первого брака у Нины был сын Дима, Марк очень любил мальчика и занимался его воспитанием. Дима успешно закончил

Оксфорд. А теперь работал в крупной английской фирме, был там на хорошем счету и в возрасте 25 лет стал ее представителем в Москве. По делам фирмы Дима часто приезжал в Англию.

Спустя три года, в течение которых Лена и Нина виделись и переписывались, Тиммсы снова решили переделать дом. Перед Леной встала очень трудная задача: не перестраивая дома выдумать совсем другой интерьер, и Лена с таким успехом это сделала, что гости Тиммсов приходили в восторг, а Лена даже получила интересный заказ.

Время шло. Лена и Нина продолжали дружить. У Нины проявились литературные способности, она написала хороший рассказ и несколько неплохих стихов. Всем этим она делилась с Леной, которая была для нее авторитетом во всем, что касалось искусства.

Тиммсы часто ездили во Францию по делам Марка. Однажды, проезжая прелестную деревню неподалеку от Тулузы, они в один голос сказали, что хорошо было бы иметь в этой деревне домик. И это стало мечтой Марка, который обожал тепло юга Франции, французскую кухню и французское вино. Когда умерла мама Марка и Марк и его сестра поделили наследство, у Тиммсов появились свободные деньги. Однажды, проезжая сно-

ва через полюбившуюся им деревню около Тулузы, они увидели, что на воротах одного из домов висит объявление о его продаже. И опять в один голос Нина и Марк сказали, что хорошо было бы в этом доме жить. Они решили встретиться с хозяином дома и, когда осмотрели дом и прекрасный сад, то поняли, что должны это купить.

И начались поездки из Англии во Францию, из Франции в Англию. Дом во Франции манил своей необычностью, к тому же исполнилась мечта Марка. Но дом в Англии нельзя было оставлять без присмотра, в Танбридж-он-Уэллс, как и в других английских городах, было немало подозрительных бродяг, которые не имели жилья. И еще в саду дома был любимый газон Марка. Считалось, что этому газону чуть ли не сто лет. Марк никому не доверял уход за газоном, он очень гордился состоянием своего любимца.

Нина приехала к Лене с кучей фотографий своего французского дома и предложила ей сделать проект его интерьерера. Лену очень заинтересовала эта работа — в доме была весьма необычная планировка, которую нельзя было менять, так что требовалось изобрести только декор, но столь же необычный. Тиммсы были в восторге от Лениного проекта. Прав-

да, Марк с сожалением сказал, что на некоторое время придется отложить его осуществление, поскольку прежде всего дому нужен элементарный ремонт, да и сад тоже требует денежных вложений. И тогда Нина вставила картинки проекта Лены в паспорт, в рамки и под стекло и повесила их на стены гостиной, как картины.

Обычно Нина ездила в Луганск два раза в год. В день рождения мамы, Анны Николаевны, и в день рождения папы, Трофима Петровича. Но когда началась Русско-Украинская война 2014 года, Нина потребовала, чтобы мама и папа немедленно уехали из Луганска и приехали к ним в Танбридж-он-Уэллс.

Радость от встречи омрачала бесконечность жестокой войны. К тому же, живя в чужой стране, родители Нины тосковали от безделья. Правда, Анна Николаевна всегда находила себе дела по хозяйству, но Трофим Петрович изнывал от скуки. В конце концов Анна Николаевна, школьная учительница английского языка, стала заставлять мужа учить язык, которого он совсем не знал.

Хорошо было только Марку. Он понял, что теперь, оставив дом на родителей, может надолго уезжать из холодной Англии. Что и было сделано.

В конце концов все устроилось. Марк наслаждался своей деревней, разъезжая по делам фирмы по всей Франции, Анна Николаевна и Петр Трофимович постепенно привыкали к английской жизни, и Трофим Петрович неожиданно перестал жаловаться на безделье, Нина занималась садом, рисовала и писала стихи.

Однажды родители позвонили и радостно сообщили, что на днях в Англию приезжает Дима, он заедет в Танбридж-он-Уэллс на один день. Тиммсы решили, что им нужно приехать на день раньше, чем дома появится Дима.

Заслышав шум подъехавшей машины, Анна Николаевна и Трофим Петрович тут же, с широкими улыбками, вышли из дома.

— А у нас для вас есть сюрприз! — возбужденно воскликнул Трофим Петрович. — Идите прямо в гостиную!

Нина подумала, что Дима приехал на день раньше, но она ошибалась.

Шторы громадного окна гостиной, шириной от стены до стены и высотой от пола до потолка, были задернуты. Трофим Петрович подбежал к окну и быстро раздвинул шторы.

И Нина с Марком увидели, что на месте их любимого газона, под легким ветерком, колышутся листья

кустиков с красными помидорами и оранжевыми перцами.

— Ну! Какова наша плантация! А? — весело выкрикнул Трофим Петрович.

СОДЕРЖАНИЕ

Дубль два	5
Записки из отделения реанимации	41
Портреты	57
Несколько небольших рассказов	87
Зеленый попугай	89
Мистер Хоуптон	95
Выставка	99
Плантация	105

Кира Селезнева

ДУБЛЬ ДВА

Сборник рассказов

Редактор *М. Ю. Манаков*
Компьютерный набор и верстка: *М. Ю. Манаков*
Корректор *К. В. Ратников*

Подписано в печать 26.02.2016.
Формат 70×100^{1/32}.
Гарнитура «Таймс». Бумага ВХИ.
Уч.-изд. л. 2,57. Усл. печ. л. 4,71.
Тираж 100 экз. Заказ № 38.

ООО «Издательство “ИзЛиТ”».
454010, г. Челябинск, ул. Гагарина, д. 9, оф. 7.

Отпечатано в типографии издательства
«ПринТерра-Дизайн».
400005, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 88.
Тел.: 23-87-01, 23-82-60, 23-32-81.
mail@printerra.com

